

М. КАДЫШЕВИЧ
БИРОБИДЖАН В ЛИТЕРАТУРЕ
*[Реалии. Материалы к истории Еврейской
Автономной Области]*

Висншафт ун революции № 2(6), 1935

I. Вступление

Прошло 7 лет с тех пор, как Советское правительство (28 марта 1928 года) выделило Биробиджан для заселения трудящимися евреями. Прошло уже свыше года с тех пор, как было принято историческое постановление о преобразовании Биробиджанского района в Еврейскую Автономную Область (7 мая 1934 года). Благодаря большому вниманию и заботе партии и советского правительства этот далекий, отсталый край прямо на наших глазах превратился в цветущий социалистический форпост на Амуре. Биробиджан, как и весь Дальневосточный край, привлекает все большее внимание самых широких слоев рабочих и трудящихся у нас в стране и далеко за ее границами. Уже давно пора рассмотреть вопрос о том, как Биробиджан отражен в нашей художественной и другой литературе.

1. Биробиджан располагает значительной литературой. Для большинства читателей возможно станет неожиданностью, что Биробиджан располагает сравнительно богатой литературой, относящейся к различным временам и периодам. Это связано в первую очередь с географическим положением Биробиджана – его положением на Амуре, этом великом водном пути с Запада на Восток к Тихому океану; на границе с Китаем, вблизи Японии, на пороге Тихоокеанского бассейна, центра мировой экономики и мировой политики, и с большими и разнообразными природными богатствами. Не считая китайской литературы, мы обнаруживаем весьма важные сведения о территории Биробиджана уже в русских архивных материалах середины XVII столетия, когда

казаки московского царя впервые достигли Амура, в русской и западноевропейской литературе XVIII столетия и позднее. Натиск московского торгового капитала в XVII столетии в поисках колоний, «ясака» (налогов, которые местные народы обычно платили мехами царской казне) затронул будущий Биробиджан, который уже тогда заселяло население, занимавшееся сельским хозяйством.

Значительное место в русской и другой литературе занимает Биробиджан как часть Приамурского края, начиная с середины XIX столетия, когда этот край перешел к Российской империи. На историческую судьбу Биробиджана оказали воздействие китайская крестьянская революция – героическое Тайпинское восстание в 1850–1864 годах, а также борьба между русским, западноевропейским, американским и позднее японским империализмом за берега Великого Океана, за торговые пути и торговлю с Китаем, а также все прочие запутанные проблемы Тихоокеанского узла. В связи со всем этим мы встречаем Биробиджан в работах известных естествоиспытателей середины XIX столетия, в том числе Миддендорфа, Шренка, Маака, Радде, у многих военных историков, путешественников, писателей, геологов и инженеров того времени и позднее, в частности князя Кропоткина, Венюкова, Иванова, Аносова, Бацевича, Анерта и других, во многих официальных изданиях, в материалах исследований и экспедиций, в мемуарах и т. д.

На территории Биробиджана строилась печально известная «колесуха» (шоссейная дорога между Благовещенском и Хабаровском, которую строили нечеловечески-жестокими методами, руками преступников и политкаторжан в 1900 – 1908 годах), амурская железная дорога (1912 – 1916 годах), что потребовало больших специальных исследований – благодаря всему этому мы располагаем о Биробиджане значительной литературой еще до революционного периода.

После революции Биробиджан занял значительное место в событиях Гражданской войны. В Биробиджане находится дальневосточный Перекоп – Волочаевка. Здесь хозяйничали белогвар-

дейские атаманы и японские интервенты, поддержанные кулацким казачеством, здесь также вели героическую борьбу партизанские отряды, состоящие из рабочих, бедных казаков, крестьян-переселенцев, военнопленных империалистической войны. На территории Биробиджана воевал в качестве командира партизан, а позднее фронтового комиссара тов. Постышев.¹ Все это оставило важные следы в литературе.

Новый тип литературы о Биробиджане берет свое начало с 1928 года. Уже первое постановление правительства о закреплении Биробиджана за КОМЗЕТом для заселения трудящихся евреев с перспективой – при благоприятных результатах заселения – превращения в еврейскую национальную административно-территориальную единицу и первые шаги еврейского переселения в Биробиджан вызвали большой интерес у самых широких слоев рабочих и трудящихся в Советском Союзе и в капиталистических странах. Естественно, что этот интерес разделили также журналисты и литераторы, еврейские и нееврейские, советские и иностранные, близкие к нам и даже буржуазные, враждебные.

Уже в мае 1928 года, в первый месяц переселения, в Биробиджане находились сотрудники «Эмес», «Штерн», «Октября», минского «Рабочего», «Комсомольской правды», хабаровских газет и писатель Альбертон. Месяц-два спустя в Биробиджан приехал профессор Кунц из Америки, председатель «ИКОРа», близкая к нам немецкая журналистка Анжелика Рор и первые экскурсанты: из Белорусской высшей коммунистической школы и из Житомирского еврейского педтехникума. Обе группы опубликовали отчеты.

В 1929 году Биробиджан посетило множество советских и иностранных журналистов: русские – Виктор Финк, Мария Шкапская из «Правды», Гехт, американо-еврейские журналисты Талми и Гина Медем, вышеупомянутая Рор, комиссии из американского «ИКОРа», аргентинского «ПРОКОРа», правительствен-

¹ См. П. Постышев Первый партизанский тунгусский отряд. Хабаровск, 1932. В. Голионко. Волочаевский Бой. «Борьба классов». Москва, 1935 №4 с. 62–70.

ная комиссия (в составе двух человек, во главе с тов. Шотманом), которая изучала Дальневосточный край и другие.

В 1930 году в Биробиджане опять были Виктор Финк, немецкий журналист Отто Геллер, товарищ Аб. Эпштейн из американского «ИКОРа», японский журналист, специальная комиссия всесоюзного Наркомзета и другие.

В 1931 году в Биробиджане работал тов. Лейбман из Минска, который позднее написал монографию «Коммуна ИКОР». Биробиджан посетили Гина Медем, редактор аргентинского коммунистического издания «Красная Звезда» тов. Розен, рабочие делегации из Свердловска, Московского пединститута им. Бубнова и другие. В конце 1931 и в начале 1932 года важные постановления советского правительства о Биробиджане ориентировали на образование там к концу 1933 года автономной единицы.

1932 год был годом наибольшего до сих пор массового переселения – более 8 тысяч человек, а также годом наибольшего притока иностранцев – более семисот человек; годом широко задуманного и начатого в широком масштабе строительства – хотя, к сожалению, не подготовленного и не проведенного надлежащим образом. Интерес к Биробиджану тогда сильно возрос. В том году был отмечен также большой поток писателей и журналистов – товарищи Бергельсон, Годiner, Галкин, молодые писатели Фаликман, Добин, Винокур, сотрудник «Эмес» тов. Натализон, украинский журналист тов. Райцин, русские – Кобзаревский, Зельдович, снова Отто Геллер, Мдивани (грузинский киносценарист и режиссер), Дэвид Браун (англо-еврейский журналист и деятель буржуазной американо-еврейской организации «Джойнт»), много делегаций, деятели белорусского КОМЗЕТА тов. Левитан и Дубровский (последний – во второй раз), делегации одесских рабочих, белорусских и ленинградских пионеров, международная делегация ОЗЕТа, бригады Московского коммунистического университета Запада, ленинградские студенты, бригада Московского еврейского театрального техникума и др.

В 1933 году в Биробиджане побывали: поэт Блоштейн, журналист Киржниц, Кобленц, известный русский писатель Фадеев,

молодые Кобзаревский и Бытовой, Гина Медем, редактор «Юманите» тов. Вайян-Кутюрье, Лорд Марлей (вице-президент английской палаты лордов и деятель международного антифашистского комитета, лейборист), ответственный секретарь Центрального Совета ОЗЕТа тов. Эйдельман, театр «Гезкульт» с Украины и т. д.

Постановление от 7 мая 1934 года о преобразовании Биробиджанского района в Еврейскую Автономную Область вызвало приток посетителей, в первую очередь иностранных. Уже в первые месяцы постановления в Биробиджане побывали: один из руководителей варшавского «Агроида» (общества, которое сотрудничало с «ОЗЕТом», впоследствии закрытого польскими властями) Перельман, буржуазный еврейский журналист из Польши; двое американских буржуазных журналистов из Лос-Анджелеса и Чикаго, редактор американской еврейской буржуазной газеты «Тог» Голдберг, позднее австрийская писательница-революционерка Лили Кербер, доктор Розен с группой деятелей «Джойнт» и «OPT» и др.

В конце 1935 года в ЕАО поселились: известный писатель Д. Бергельсон, поэт Олевский, писатель Сальвадор Борджес и известный ленинградский еврейский композитор Мильнер вместе с ленинградским еврейским вокальным ансамблем. ЕАО также посетили Т.Т. Годинер (в третий раз) и Гиндес (из редакции «Штерн») – они оба сопровождали эшелон переселенцев с Украины в сентябре – октябре 1935 года, русский писатель Д. Хайт и др.

В 1934 и в начале 1935 года в связи с I областным съездом Советов и в связи с другими причинами область посетили тов. Фадеев, зам. редактора «Эмес» тов. Шпрах (два раза), писатели Гофштейн, Харик, Маркиш, Годинер, Добрушин, Ш. Гордон, зам. редактора «Штерн» Голденберг, тов. Аб. Эпштейн из «ИКОРа», Лихтенштейн из парижского «Комзета» и тов. Штейн из парижской «Найе Прессе», Анна Луиза Стронг из «Москоу Дейли Ньюз», председатель Центрального Совета «ОЗЕТа» Димаштейн, рабочие делегации из Ленинграда, Украины и т. д.

В Биробиджане работают уже несколько лет молодые писатели

и журналисты Э. Казакевич, Н. Фридман, Добин, Ген, там работали определенное время Т.Т. Голдштейн, Шведик, Липкин и др.

По неполным статистическим данным, в 1928 – 1935 гг. Биробиджан посетило 17 еврейских советских писателей, 8 русских, 3 украинских, 1 белорусский, 1 грузинский, 30 иностранных писателей и журналистов – 8 американских, 3 аргентинских, 2 немецких, по 2 из Польши и Франции, по 1 из Австрии, Англии, Японии. Кроме того, за все это время в Биробиджане побывало несколько десятков советских еврейских и нееврейских журналистов, людей искусства, живописцев, кинодеятелей, специалистов, командированных с научными целями много научных экспедиций, а также много ответственных, советских и прочих деятелей из Краевого центра и центральных советских организаций. Большая часть их опубликовала о Биробиджане брошюры, статьи, корреспонденции. О Биробиджане также писали иностранные писатели и общественные деятели, которые там не бывали, в том числе немало злейших врагов Советского Союза. Широкий масштаб социалистического строительства в ЕАО в 1935 году вызвал туда широкий поток новых общественных деятелей, ученых, посетителей, экспедиций и делегаций.

По неполным данным, за 1928 – 1935 гг. вышло до 100 книг и брошюр – художественных, публицистических, научных, информативных – посвященных Биробиджану, приблизительно, 60 авторов. Примерно половина их них вышла на идиш, остальные – на русском, украинском, белорусском, английском, немецком и других языках. Примерно 30 из них вышли за границей: в Америке, Англии, Германии, Латвии, Польше, Китае (Харбин, Тяньцзинь), Австралии и других странах. Статей, глав и вообще материалов о Биробиджане в различных книгах и журналах есть несколько сотен; статей, корреспонденций и т. д. в советской и иностранной прессе – много тысяч на всех языках. В первый том библиографии Биробиджана, который готовит к печати Институт еврейской пролетарской культуры ВУАН вместе с Ленинградской Публичной библиотекой и который охватывает только советскую литературу и прессу за 1928 – 1934 годы, уже собрано около

восьми тысяч карточек. Давайте остановимся на художественной литературе.

Хронологически (и как мы далее увидим, не только хронологически) в первую очередь речь идет о книге Альбертона «Биробиджан». Книга вышла в 1928 году тремя изданиями на идиш, а также на русском, украинском, немецком (в Германии). Отрывки из книги вышли в виде отдельных брошюр на идиш и украинском, а также в учебниках и в сборниках. Некоторые советские издания о Биробиджане вышли за границей отдельными изданиями: «Пионеры» Голдштейна и другие очерки (в «Эмес»), «На Амуре» Добина и другие рассказы (в «Биробиджанер штерн», хабаровском журнале «На рубеже» и другие), «Таежные горы» Винокура. Рассказы, очерки и главы из более крупных книг о Биробиджане напечатали Т. Т. Годинер, Ш. Гордон, Добрушин, Натанзон, Фридман и др. Стихотворения – т.т. Блоштейн, Галкин, Харик, Гофштейн, Маркиш, Э. Казакевич (Книга «Биробиджан» и др.), Шведик (в книге стихов «Старт»), Гильдин, Яновский, Гарцман, Гонтар, Талалаевский, Пинчевский, Савиковский, Душацкий, Горбатый, Турецкий, Хаим Левин и др. Американские писатели: Вайнпер, Мойше Надир, Ари Курц, Файнберг и др. В Биробиджане впервые стали писать т.т. Сакциер, Липкин, Люба Васерман и некоторые другие.

На русском языке есть книга Виктора Финка «Евреи в тайге», которая вышла двумя изданиями. Главы из этой книги вышли отдельными книжечками «Сторона таежная» и «Рыба-фиш». Финк также написал первую пьесу о Биробиджане «Новая Родина». «Сторона таежная» вышла также на идиш – у нас и в Варшаве.

Мария Шкапская в книге очерков о Дальнем Востоке «Вода и ветер» одну главу посвятила Биробиджану. Финк, Гехт, Шкапская напечатали очерки о Биробиджане в разных газетах и журналах. По-русски также были напечатаны стихи, рассказы и очерки Сельвинского, Бытового, Кобзаревского, Добина, Ш. Гордона, Кобеца, Езерского, Рор, Гины Медем, Галкина, Годинера, Винокура, Маркиша, Харика и ряд произведений других авторов. Белорусский писатель Кобец, автор известной пьесы «Стеколь-

ный завод», который пару лет работал в Биробиджане, напечатал в дальневосточном журнале «На рубеже» вторую пьесу о Биробиджане «На заставе». Она вышла также отдельным изданием на русском и идиш. В том же журнале были напечатаны отдельные стихотворения Казакевича и главы из «Биробиджанцев» Добина и др. По-русски в издательстве «Эмес» вышли «Биробиджанские очерки» Блоштейна, а в Хабаровске вышла поэма Дударова «Волочаевка».

На Украине, кроме «Биробиджана» Альбертона, вышли сборники очерков: Райцина – «Через Биробиджан», Ризберга – «В тайге» и др. Грузинский киносценарист Мдивани написал книгу «Биробиджан», которая вышла на грузинском и русском языках. На русском языке отрывки из этой книги были напечатаны в сборнике грузинского «ОЗЕТА», «Трибуна Грузозета» и в «Биробиджанской звезде».

В Америке вышли очерки Талми об экспедиции «ИКОРа» в Биробиджан в 1929 году «На непаханой земле», брошюра Аб. Эпштейна «Что я видел в Биробиджане», в американской «Фрайгейт» были напечатаны зарисовки Гины Медем и др. В Риге вышла книга Шац-Анина «Биробиджан – вчера, сегодня, завтра», в Варшаве – четыре выпуска книги Перельмана «Биробиджан» (перепечатаны в Аргентине), в Вильно – сборник «Биробиджанско», а в Палестине – брошюра «Еврейская автономная область» И. Д. Колтуна (Тель-Авив, 1935).

Немецкий журналист Отто Геллер посвятил Биробиджану две главы в своей книге «Гибель еврейства» и главу в книге «Владивосток!» Отрывки из нее были напечатаны на немецком языке в «Москве Рундшau». Брошюру о Биробиджане на английском языке написал лорд Марлей (вышла в Лондоне и на идише в издательстве «ИКОР»). В «Москве Дейли Ньюз» за май 1935 года напечатан ряд очерков Анны Луизы Стронг, а в сокращенном виде также в «Трибуне».

Важные материалы о богатстве гор. Биробиджана в последние годы были опубликованы (в нескольких изданиях, посвященных Хингано-Бурейской проблеме, в журналах, сборниках и т.

д.) геологами Хлапошиным, Витгефтом, Абдулаевым, Музилевым и другими, о биробиджанских лесах – профессором Ивашкевичем, о торфе – Кацем, Эйдельманом и другими. Многое о Биробиджане написал руководитель экспедиций Всесоюзного Наркомзета в Дальневосточном крае агроном Каменецкий.

Кроме вышеуказанных изданий, вышли, как уже было отмечено, большое количество информативных, публицистических и других книг и брошюр о Биробиджане товарищей Эйдельмана, Игошина, Брука, Дубровицкого, Диманштейна, Друянова, Ванеева, Вита, Заславского, Чередника, Хавкина (секретаря обкома ЕАО), Ноаха Лондона, И. Левина, Мережина, Сударского, Сегаловича, Фрухта, Кобленца, Кадышевича, Канторовича, Киржаница, а также несколько научных сборников и ряд других.

Ленинградский драматург Зельцер вместе с ранее уже упомянутым драматургом Кобецом написал сценарий для фильма. Как сообщил «Октябер», Ленинградская фабрика Белорусского государственного кинотреста приняла сценарий к постановке. Некоторые сценарии и кинопробы существовали еще раньше, но настоящего фильма о Биробиджане у нас пока что нет.

2. И все же писатели в большом долгу у Биробиджана.

Большой интерес к Биробиджану, который привел к посещению десятков писателей, журналистов, общественных деятелей, совершенно понятен. Ведь это одна из самых интересных сфер нашего грандиозного социалистического строительства, которая притягивает и вдохновляет миллионы рабочих, трудящихся во всем мире; сфера, в которой переплетаются такие чрезвычайно важные, привлекательные и захватывающие темы, как социалистическое строительство вообще; приобщение к социализму далекой, отсталой окраины – бывшей колонии царизма, как полную противоположность хозяйствования капиталистов в современных колониях японско-английского империализма; закрепление очень важной политической, экономической и стратегической позиции на границе с империалистическим миром – развитие одного из самых важных социалистических форпостов на Тихом океане; практическое претворение в жизнь ленинской националь-

ной политики по отношению к корейским и китайским трудящимся – объекту порабощения и самой откровенной эксплуатации со сторонами царского и мирового империализма, по отношению к самым угнетенным и отсталым малым северным племенам; перестройку социальной и политической жизни больших масс еврейских трудящихся, их приспособление к совершенно новым условиям природы и труда; применение ленинской национальной политики в ее высшем проявлении – создании национальной автономной единицы; прекрасная яркая интернациональная солидарность и все это на оригинальном фоне Дальнего Востока – границы, тайги, суровой и прекрасной природы – разве все это не должно было вдохновить, зажечь и мобилизовать десятки писателей и художников, чтобы отразить грандиозные задачи и их претворение в большом труде, который должен соответствовать огромному масштабу этих задач?

Поэтому нас не может удовлетворить теперешняя литература – ни научная, ни публицистическая, ни художественная, она не может удовлетворить нас ни по количеству, ни по качеству.

У нас нет по-настоящему научной работы о Биробиджане, а та, что у нас есть, содержит частично ложные и вредные установки, ошибки и заблуждения или устаревшие представления. Еще меньшей литературой обладаем мы на языке идиш. Пара фундаментальных отчетов первой биробиджанской экспедиции в 1927 году существует только на русском языке. То же касается отчета экспедиции – Комиссии американского «ИКОР» и нескольких других. На идиш отчет «ИКОР» вышел только в Америке.

Весьма большие претензии можно предъявить советским еврейским писателям. Г. Казакевич, редактор «Биробиджанер Штерн» с полным основанием говорил о них в Харькове прошлым летом на собрании. Ведь, в конечном счете, за 7 лет (к Первому областному съезду Советов) можно было подвести итоги работы в Биробиджане лишь пяти советских писателей старшего поколения: Альбертона в 1928 году, Бергельсона, Годинера, Галкина – в 1932 году и Блоштейна в 1933 году. Это не очень много.

Три года – 1929 – 1931 гг. – были годами очень тяжелого

труда, годами больших провалов и ошибок, но также годами накопления и закрепления позиций. И ни один писатель не соизволил спуститься к уровню Биробиджана и посмотреть на то, как идет борьба за социалистическое строительство в этом далеком, тяжелом для жизни и многообещающем пограничном регионе, как происходит участие в этом строительстве, как чувствуют себя там наши известные персонажи старых и новых еврейских писателей? Очевидно, на наших писателей сильно повлияли скептические настроения по отношению к Биробиджану, которые в те годы чувствовались в определенных кругах (у покойного товарища Ю. Ларина и других).

И как раз в те годы туда поехали – и не только для того, чтобы бросить взгляд, а для того, чтобы выполнять тяжелую работу не в очень комфортных условиях большое число партийных и беспартийных деятелей и специалистов. В те же годы именно туда поехали нееврейские писатели и журналисты, не говоря уже об иностранных.

Видный московский еврейский писатель обратился ко мне в 1931 году с просьбой о материале для киносценария о Биробиджане. Я засомневался, можно ли о Биробиджане писать правдиво, сидя в Москве, и посоветовал ему вырваться туда хоть на несколько месяцев. Он меня не послушал, не поехал и сценарий не написал. А жаль: как раз есть основание полагать, что этот писатель создал бы хороший сценарий. И даже после исторического решения о Биробиджане, когда все сомнения уже, казалось, должны были исчезнуть, все еще незаметно среди еврейских писателей подъема творческого энтузиазма к теме Биробиджана; нет стремления поселиться там, закатать рукава и приняться укладывать кирпичи на строительстве грандиозного социалистического здания, или хотя бы собственными глазами как следует присмотреться к стране, обойти ее долины и горы собственными ногами, увидеть результаты изнурительного труда первопроходцев, увидеть то, что получилось, а что нет, какие следы оставили первопроходцы, увидеть перековку пробужденных социализмом выходцев из местечек, посмотреть на новых, выросших там поко-

рителей тайги, увидеть широко развернувшееся социалистическое строительство в бывшем Приамурском крае царской империи.

Теперь о самом характере поездок в Биробиджан. Часто это происходит в большой спешке, на одной ноге. Факт, что из всех вышеуказанных писателей старшего поколения только двое (Альбертон и Блоштейн) побывали в приамурской полосе Биробиджана, а остальные почти не покидали зону железной дороги. И все это в большой спешке... А на Амуре для художника как раз очень интересный материал: первый переселенческий поселок на Амуре – Амурзет, и позднее созданный первый хлебозавод в Биробиджане, Сталинский (бывший Сталинфельдский) совхоз – первых два пролетарских оазиса в бывшем кулацко-казачьем море; высокомеханизированное социалистическое сельское хозяйство, почти полная коллективизация вместо застоя из поколения в поколения, чудные ростки социализма, подлинной интернациональной солидарности на фоне ужасного угнетения и средневековых издевательств рядом – на расстоянии вытянутой руки – на другом берегу Амура, в Маньчжу-Го под гнетом японского империализма.

Следует сказать, что некоторые советские нееврейские писатели, а также иностранцы, оказались гораздо подвижнее и проявили больший интерес к детальному изучению Биробиджана.

Талми вместе с экспедицией «ИКОРа» пересек Биробиджан в различных направлениях, проделал настоящий таежный маршрут через горы Малого Хингана, от железной дороги к Амуру.

Финк провел там целые месяцы. С ружьем за спиной он вместе с казаками-старожилами ходил на охоту, побывал в разных уголках области. Член партии И. Кобец работал в Биробиджане два года. Он в самом деле вдоль и поперек обошел страну, принимая участие в различных работах. Он даже изучил идиш и в «Биробиджанской звезде» появился его перевод главы из романа Добина «Биробиджанцы». То же касается некоторых других писателей.

Некоторые нееврейские писатели и журналисты, а также иностранцы-евреи посетили Биробиджан по 2–3 раза и более.

Но тов. Альбертон, который увековечил первые шаги еврей-

ских переселенцев в новой стране, за последние 6–7 лет не проявил интереса к тому, чтобы приехать еще раз и посмотреть, что делают его герои, что с ними происходило, как и в каком направлении они эволюционировали. Ни он, ни другие писатели не поддерживают связь с Биробиджаном в отличие от Шолохова, Ставского (в колхозах Северного Кавказа) и ряда других нееврейских писателей¹. Это достойно особого сожаления. Большой интерес и более тесная связь между писателями и Биробиджаном принесла бы немало пользы обеим сторонам. Не меньше претензий можно предъявить к редакциям советских еврейских периодических изданий: за первые шесть лет здесь не было ни одного постоянного корреспондента. Только за последний год положение изменилось.

Будем надеяться, что теперь, когда социалистическое строительство в ЕАО приняло действительно большой государственный масштаб, обрело по-настоящему историческое значение, большой подъем и широкие возможности, советская еврейская литература также внесет должный почетный вклад в выполнение грандиозных и славных задач, которые партия и советская власть поставили перед областью.

Во всяком случае необходимо и интересно просмотреть то, что уже существует о Биробиджане; следует прояснить так называемые реалии того или другого произведения, обстоятельства, в которых они создавались, живых людей, которые служили в качестве моделей для того или иного типа. Необходимо также указать на некоторые основные недостатки в ряде работ, чтобы в дальнейшем избежать их, раскрыть неправильные политические акценты и просто ошибки, опубликовать определенные документы и материалы, которые могут быть использованы будущими писателями.

Реалии нужны для правильного понимания и оценки того или иного художественного произведения и их значения для истории строительства Биробиджана, а также причины, по которым эти

¹ В ряде случаев М. Кадышевич под «еврейскими» писателями имеет в виду писателей, которые творили на идиш. (Прим. перев.)

произведения могут помочь более правильно и ясно понять различные этапы [развития] Биробиджана – этого прекрасного явления, которое стало возможным только в условиях Советской власти и диктатуры пролетариата; явления, которое так широко и громко прозвучало на весь мир.

Мы здесь, в этой работе, попытаемся провести целый ряд штрихов и фактов к этим реалиям. Работа, в которой с исчерпывающей полнотой будет освещена эта тема, может быть создана позднее на основе собранных, изученных и опубликованных документов, мемуаров, литературы, прессы и т. д.

II. Пионерский период в переселении в Биробиджан («Биробиджан» Альбертона)¹

1. Художественно-исторический документ

Я вспоминаю, что первыми главами книги, которые Альбертон начал печатать в «Эмес»², еще находясь в Биробиджане, многие биробиджанские переселенцы и деятели были очень недовольны.³

Слишком горячими и часто слишком печальными были первые недели и месяцы в Биробиджане. Слишком тяжелыми и часто

¹ Везде цитирование по первому изданию Альбертона «Биробиджан», государственное издательство Украины, Харьков, 1929 года. Второе издание вышло в Центриздане, украинское отделение, Харьков, 1931 год. Третье издание – Собрание сочинений, т. 2, Укрнацмиздат, Харьков, Киев, 1934 год. Второе издание отличается от первого издания только некоторыми языковыми правками. В третьем издании отсутствует предисловие тов. Кипера и добавлена новая глава «Тоже записался», где действие происходит накануне отъезда. Эта глава явно слабее главы «Все еще дома» и не особенно необходима.

² В газете «Эмес», начиная с номера 180 от 4 августа 1928 года, была напечатана серия путевых заметок Альбертона (которые впоследствии вошли в книгу «Биробиджан») под общим заголовком «У нас в Биробиджане», большая часть книги была напечатана также в «Штерн», некоторые отрывки в «Октябрь».

³ Указания на это есть у самого Альбертона: «Я уверен, что когда Люба (переселенка, которую описывает Альбертон – М. К.) прочтет эти строки, она стиснет зубы, глубоко вздохнет и скажет: «И все же это не то, что нужно». (Глава «Две коммуны», с. 214).

слишком жестокими были природные условия (стихия) в знаменитое лето 1928 года, чтобы в горячую минуту можно было бы удовлетвориться добродушным, спокойным, полным мягкого юмора стилем Альбертона, в котором написаны: «В вагоне», «От Иркутска», «Избушка в тайге» и другие. Тогда хотелось увидеть и почитать что-то острое, что-то менее совершенное в художественном отношении, однако ближе к тяжелой повседневной действительности; что-то, что должно вызывать в памяти конкретные места и имена, указывать на трудности, помехи, несчастья; показывать слабых, отступивших и наоборот – энтузиастов, храбрых пионеров; и те, и другие должны быть названы поименно, короче говоря – тогда часто стремились к хорошему, весомому журналистско-публицистическому материалу и художественному репортажу, который должен был непосредственно показать и помочь в только что начатой трудной работе на неожженных путях, а не к более рафинированному отражению действительности через художественно-поэтическое слово, где часто не было соответствия фактам. Те же претензии у биробиджанских переселенцев и руководителей, когда вспоминают множество больших и малых дел этого близкого, но уже далекого биробиджанского прошлого и они всплывают в памяти – я прихожу к выводу, что книга Альбертона при всех своих недостатках и неполноте становится все более значительной и важной. Мне кажется, что в дальнейшем эта книга будет иметь все большее значение как важный и единственный в своем роде художественно-исторический документ пионерского периода Биробиджана¹ – лета 1928 года.

Я думаю, что еще придется осуществить специальное издание этой книги с воспоминаниями и пояснениями к ним самого автора, биробиджанских переселенцев, руководителей и других, с приложениями, замечаниями, документами, фотографиями.

А теперь по существу дела. Тов. М. Альбертон выехал из Харькова вместе с вагоном переселенцев (киевских и других),

¹ Слово «Биробиджан» создано только во время еврейского переселения сюда. Более раннее официальное наименование было «Биджано-Бирский» или «Бирско-Биджанский» переселенческий район».

насколько я припоминаю, 4 мая 1928 года (через день после того, как я выехал с вагоном переселенцев из Умани). Мы встретились в Новосибирске. По его словам, Альбертон некоторое время играл в вагоне роль простого переселенца. Это дало ему возможность ближе узнать своих будущих героев. По пути он встречался в вагонах с переселенцами из других городов и mestechek Украины и Белоруссии. С того времени сохранились фотографии, сделанные в местах сбора переселенцев и в большом пункте сбора в Иркутске и т. д. Во второй половине мая Альбертон приехал в Биробиджан. Он провел несколько недель на станции Тихонькая (теперь город Биробиджан) – на первой базе переселения и в окрестностях Бирофельда – в первом районе колонизации. Конец июня и начало июля он провел на Амуре (куда в середине июня неожиданно перевели часть переселенцев из Тихонькой на рисовые поля), в июле он снова был в Хабаровске, Тихонькой, Бирофельде¹ и уехал обратно в Украину.

Большое преимущество книги Альбертона состоит в том, что ему удалось в сжатом виде – часто только на странице, в одном абзаце, фразе, пусть и не в достаточно должных пропорциях – удалось отразить, зафиксировать почти все большие или меньшие проблемы и явления в тогдашней работе в Биробиджане и вокруг него. Часть этих вопросов и сегодня все еще актуальна.

Читая книгу, вы сталкиваетесь с вопросом о том, как поднять в такую даль первую сотню еврейских тружеников из украинских и белорусских mestechek; с вопросами отбора социальной дифференциации, обслуживания и сопровождения в пути; степенью готовности и неготовности в Тихонькой; значении пятого пункта правительенного постановления (о национальной единице), проблеме руководителей, первых районов и пунктов для поселения; вопросом индивидуального и коллективного поселения; молодежных коммун; отношений между переселенцами и старожилами; вопросом о рисовых плантациях; проблемой поездки с семьей или без нее; проблемой организации труда, эконо-

¹ В протоколе Бирофельского сельсовета №2 от 15 июля 1928 года отмечено участие тов. Альбертона в дебатах.

мической базы для переселенцев в первое лето, об обеспечении их продовольствием и другими вещами; о внимании к переселенцам и заботе о них; о советских методах и филантропии; о строительстве дорог и о том, как поднимали целину в условиях Биробиджана, о проблеме подготовки кадров, экономике местечка и Биробиджана; о роли партии и комсомола и т. д. и т. п.

По поводу всех этих вопросов и проблем в свое время немало говорилось: на собраниях, совещаниях, пленумах, немало об этом было написано в отчетах, резолюциях, статьях, книгах, брошюрах, часто спорили, проводили горячие дискуссии, велись исследования, принимались решения. О тех временах сохранилось много документов. Придется еще подводить итог. Важно то, что Альбертон все эти вопросы, так или иначе, зафиксировал как художник и увековечил для истории социалистического Биробиджана.

2. Доверие к партии и советской власти

В настоящее время поездка на Дальний Восток, в Биробиджан стала будничным делом. Подумаешь, на несколько дней больше или меньше. Туда едут большие массы рабочих, специалистов, руководителей. В некоторых городах можно встретить людей, которые там работали, которые приехали в отпуск и т. д. Семь лет тому назад все было не так. Тогда это был край света. Я помню, как перед поездкой туда люди водили пальцем по карте всего СССР от Харькова через Волгу, Урал, Сибирь, Байкал вплоть до океана и сердились, что не могут понять, где находится Тихоньевка, ныне город Биробиджан – еще до Благовещенска или по другую сторону от Хабаровска...

Среди руководителей КОМЗЕТа и ОЗЕТа, когда они принимали решение о Биробиджане не было 100%-ной ясности можно ли поднять трудящихся евреев с насиженных мест и немедленно отправиться в далекую дорогу особенно после сопротивления, ужасных и глупых рассказней спекулянтов, кулаков, клерикалов, сионистов, бундовцев и других антисоветских элементов, которые тогда в местечке имелись в большом количестве.

Боялись, что придется долго бороться со страхом перед этим далеким регионом, что придётся агитировать, уговаривать, а какой будет результат?

28 марта было принято историческое решение правительства и ровно месяц спустя в Тихонькой появилась первая группа переселенцев (из Казани) и спустя 1,5 месяца (к 15 июня) уже первый наряд переселенцев – исторический «наряд», который должен показать, как глубоко широкие массы еврейских труженихшихся реагируют на лозунг Биробиджана – был перевыполнен: вместо 600 человек прибыло 650. Вопрос о том, смогут ли массы еврейских тружеников и деклассированных элементов откликнуться на зов партии и Советской власти к новой жизни в новой далекой области, вопрос о том – «захотят ли евреи ехать в Биробиджан?» – был решен.

В первой главе «Все еще дома» – Альбертон раскрывает нам – скромно и лаконично – тайну этого.

Естественно, что здесь в первую очередь действовала бездомность и безработица значительных слоев евреев-тружеников и бедноты того времени. Темная коморка в подвале, где жил Михл – один из героев Альбертона – с кусочками стекол, вставленных вместо оконных стекол, где соседи выливали на улицу ведра всякой мерзости, которая лилась прямо в подвал к Михлу, вся эта жалкая обстановка Капцансков, Ерусалимок в те времена (еще до великого социалистического строительства, еще до первой пятилетки), еще не изжитые последствия империалистической войны, Гражданской войны и контрреволюционных погромов (о тогдашнем положении в местечке смотри также в главе «Письмо») (203–207).¹

В твердом решении Михла (Михл – малоразвитый кустарь, каменщик и столяр) сразу же после собрания в местном ОЗЕТе, после первой выслушанной речи о Биробиджане немедленно отправиться туда, мы видим также безграничное доверие, которое было даже у малоразвитых еврейских тружеников к «ним», к со-

¹ Здесь и далее цифры указывают страницы 1-го издания Альбертона «Биробиджан», Харьков, 1929.

ветской власти, к ее представителям, к ОЗЕТу и к его обещаниям, что работы уже с первого дня выше головы и что за работу получают хорошие зарплаты», что «они будут выдавать порядочные кредиты», что «местный ОЗЕТ на себя взял защиту семей и будет их беречь, как «зеницу ока» (14–16)».

Такое доверие советская власть завоевала всей своей политической, которая была обращена в пользу интересов трудящихся и бедноты, и особенно всей своей ленинской национальной политикой, в том числе, большой работой особенно в 1924–1928 годы для оздоровления местечка, исправления условий жизни бедняков и трудящихся, обслуживания их на родном языке, трехлетней работой в Крыму, на украинских фондах и т. д. Если бы землеустройство евреев началось в Биробиджане, трудно сказать, что бы вышло из этого в первое время. Однако Биробиджан появился после Крыма и Украины, после того, как железные факты раздали все возможные кривотолки антисоветских элементов. Все это в совокупности определило форму, в которой масса реагировала на это смелое начинание. Михл рассказывает: «Как этот оратор говорил!.. Множество людей плакало. Можно вытянуть евреев – кричал выступающий – из закоулков на широкий путь социализма...» (16).

И труженик отозвался на зов советской власти. И еще один важный штрих. Понятно, что невозможно обобщить содержание всех выступлений о Биробиджане на всех этапах и в том числе теперь. Однако главная установка руководящих органов и отдельных руководителей заключалась в том, чтобы не отрицать больших трудностей в новой стране, предупредить массу, предупредить ее и об удаленности, и о гнусе, и о других трудностях. И это добавляло доверие. Михл размышляет: «Отдаленностью не испугаешь даже гусей на чердаке; пусть добавятся еще несколько дней. Несужели стоит бояться мошки? Пусть кусает, мы уже привыкли ко всяkim укусам... И все. Кончен разговор. Михл едет»... (18).

Уже в пути некоторые переселенцы размышляли: « В конце концов, сам ОЗЕТ подбросил эти мысли. Слишком много камней на сердце». Они намеренно представляют дело более трудным.

Возможно, окажется, что там будет по-другому, совсем по-другому» (32)

Я вспоминаю эти дни и ночи в вагоне с уманской группой. Кустари, безработная и полубезработная молодежь из Старого города в Умани, из Терновки и Лукашевки. Высокий, крепко сбитый парень, бывший мелкий торговец из Терновки, крепкий носильщик из Умани и другие. Люди сидели с задумчивым видом, тосковали по дому, от которого они уезжали все дальше. В голову закрадывались мысли, что и как будет там: установленная заработка плата в рабочих дружинах на расчистке земли; на строительстве; в коллективе или в индивидуальном хозяйстве; как дожить до первого урожая, когда можно будет привезти семьи – и множество других трудных вопросов. Поезд шел не слишком быстро, колеса стучали, тусклый свет освещал темные стены вагона. На трехэтажных полках лежали переселенцы. Кто дремал, кто задумался, перебрасывался словами, что-то рассказывал, строил планы, высказывал сомнения. Ведь ясного представления о том, что там будет, ни у кого не было. Но в конечном счете люди были уверены, что раз советская власть взялась за что-то, то она не подведет. Поэтому, в конечном счете, в памяти осталось впечатление о бодрости, о сильной надежде, об уверенности в новой, красивой, трудовой жизни под твердой рукой советской власти, которая помнит, защищает и берегает своих сыновей, где бы они не находились... Никакой потеряянности, никакой беспомощности не было. Наоборот, было, по сути, приподнятое настроение накануне начала новой, здоровой и радостной жизни.

Недаром у Альбертона стучали колеса: «Би-ро-бид-джан; Би-ро-бид-джан... бу-дет, бу-дет»... (25).

Нередко люди веселились, подхватывали песенку, вздыхали и т. д.

3. Первый выезд

Теперь это будничное дело и практический вопрос. Но тогда было по-другому. Это была первая попытка переселения так далеко, первый шаг в Биробиджан, и от этого первого шага зависели последующие.

Сейчас каждый год вербуют переселенцев в Крым, европейские районы Украины, в Биробиджан: по-деловому, просто, иногда слишком просто и не везде достаточно по-деловому. Тогда, в первые годы, переселение вообще было большим революционным явлением в жизни местечка — смелый шаг к социалистическому перерождению на пути к активному участию в социалистическом строительстве. Переселение проходило в условиях особенно ожесточенной классовой борьбы. Поэтому тогда переселенцев провожали обычно с красными флагами, музыкой, с речами и подарками. Понятно, что особенно празднично провожали первых биробиджанцев. Ведь они тогда выглядели как герои-пионеры, которые прокладывали путь в далекую страну для тысяч и тысяч европейских тружеников, которым нужно будет идти вслед за ними.

Тогда трудным вопросом был переезд первых европейских переселенцев за 10 000 километров. Тогда задумались о том, как местечковые евреи проделают такой путь, как их предохранить от излишних трудностей, различных инцидентов, как обеспечить их необходимыми вещами в таком далеком пути и в первое время на новой родине. Поэтому стремились к комплектованию больших групп переселенцев, целых вагонов и эшелонов, с сопровождающими, с комендантами. Поэтому переселенцев обеспечивали одеждой, обувью, мылом, табаком, съестными припасами, писчей бумагой. С первыми переселенцами в городах и местечках проводила работу европейская и неевропейская пресса.

Сопровождение переселенцев и встречи проезжающих проходили очень празднично. Обычно приходили сотни рабочих, представители партийных и советских органов, профсоюзов, ОЗЕТ, представителей больших заводов и т. д. Обычно переселенцев встречали со знаменами, давали им подарки, устраивали им встречи. На более крупных узловых станциях (Пенза, Иркутск) находились специально посланные представители Центрального Комзета и ОЗЕТА.

Особенно сильное впечатление на переселенцев в Биробиджан произвел Иркутск, благодаря особо энергичной работе

уполномоченного КОМЗЕТа тов. Баскина, который в дальнейшем у Альбертона выступает под фамилией Малкин. Там действовала международная организация ОЗЕТ, которая провела большую работу.

О подготовке, выезде из родных мест и встречах на пути мы находим у Альбертона меткие наблюдения: «... И на всем пути, еще до Харькова уже в голове дрожат мысли, как треснувшие куски подошвы в полупустом мешке. Встречают везде и кричат: «Пионеры!», не стыдятся взрослых людей – отцов делать пионерами. Везде кричат: «Мы вам завидуем». И дают поесть». (20)

«...Иркутск стал еврейским городом и здесь полно еврейских переселенцев. Наших людей мы встречали везде и, кажется, везде о нас говорили.

Представь себе, говорили о новых, странных переселенцах не только в Иркутске, но и на всем протяжении пути Харьков – Хабаровск. На расстоянии 9 тысяч километров имели с нами дело». (48) Путь, как оказалось, не был опасным. Советская власть была и здесь. Вы читаете (72–76) о том, как переселенцы предъявляют свои права руководству пунктов по переселению и даже представителям ГПУ. На станции Бочкарево они отказались идти в баню. По сути, это была обязанность всех переселенцев. Однако они были избранными, они едут в Биробиджан! Вы видите, как местечковая публика, которая выезжает в мир – в основном – впервые, которая не особенно гладко говорит по-русски, ни в коем случае не чувствует себя обделенной, наоборот, слишком чванливой как аристократы. Переселенцы иногда поднимают настоящие скандалы. Они требуют, чтобы их отправляли вне очереди как можно скорее, чтобы им давали лучшие вагоны и т. д. Я помню много таких эпизодов. Я вспоминаю инцидент на станции Иркутск. Несколько пьяных из эшелона, который вез завербованных на золотые прииски, попробовали приставать к евреям-переселенцам. Они заходили к ним в вагоны, но тов. Баскин, уполномоченный центрального КОМЗЕТа (а не как у Альбертона «наш человек в Иркутском управлении железной дороги»), который в то время был почти «хозяином» Иркутской

станции и «у него все было в кармане» (48), принял меры и установил порядок, а пьяницы даже просили прощения...»

Вообще мне за 20 дней в пути пришлось слышать пару раз антисемитские разговоры. Не следует забывать, что в стране еще был большой слой кулаков, торговцев и других элементов, представлявших враждебные классы. Несравненно чаще я мог, однако, констатировать факты большого положительного интереса к еврейскому переселению и правильное понимание ленинско-сталинской национальной политики вообще и ее применение к евреям в частности.

Альбертон не прошел мимо этого. Вот картинка из главы «В вагоне» о встрече биробиджанских еврейских переселенцев с украинскими крестьянами и другими: «...Услышав слово «переселенцы», в разговор скоро вступили украинцы, а потом человек в зеленой рубашке»

«...Вот он, Хведор, сам украинец, знает евреев очень хорошо. Он знает, что у них в деревне есть еврей-Михтоли (Нафтоли), все крестьяне ходят к нему за советом. И у них в Херсонской губернии – рассказывает другой украинец – ходок¹ – есть целые деревни, где живут евреи, они пашут и сеют как настоящие люди».

«Красноармеец с широким выразительным лицом все время жевал, как будто у него во рту было что-то вкусное, и он не хотел его проглотить. В конце концов он открыл рот и как будто хотел выплюнуть жвачку. И вдруг начал запинаться. Но после первых слов он успокоился и даже вошел в азарт. Он говорил четко и с акцентом о том, что у всех национальностей есть пролетариат и буржуазия, как, например, у евреев и даже у русских. Выходит, что одни работают, а другие эксплуатируют. Как, например, торговцы или буржуи, или даже империалисты. Именно об этом говорит Карл Маркс и политком роты. Все с уважением относятся к красноармейцу, который говорит так остро и четко. Его слушают внимательно, согнувшись, морщат лоб и покачивают головой: «Так, так, так. Да, вероятно... так». (34–35) Еда в дороге

---

¹ Тот, кто приехал осмотреть предложенные к заселению участки.

была неплохой. Я помню, как уманская группа приносила в вагон полные ведра жирных кушаний с мясом. Для многих это был своего рода дом отдыха: «Ай, что за жизнь в вагоне! Ничего не делаем, только наедаемся и напиваемся, ложимся спать и едем». (38) Среди больших групп переселенцев работали в пути комиссии по культуре, санитарные и хозяйственные, проходили собрания, был наложен досуг.¹

В письме от 11 августа 1928 года Киевскому ОЗЕТу Дальневосточный КОМЗЕТ пишет в числе прочего: «Мы считаем также необходимым отметить, что на переселенцев деморализующее воздействие оказали шум и суматоха отправки («знакомые», подарки и т. п.) (из архивных материалов – М. К.). Давид Файнман, один из положительных персонажей Альбертона, говорит: «Если бы везде не устраивали «свадеб», нам было бы легче» (89)

Позднее по поводу праздничных проводов и встреч в пути были претензии, предупреждения, упреки и требования организовать дело не так празднично, и вот почему: уже у Альбертона мы встречаем указания на отрицательные стороны праздничности: он рассказывает о настроениях «собеза», этапах пути (77, 79). Находились и такие, кто не ленился в каждом городе отправляться в ОЗЕТ и заявлять, что им нужно доплатить за то, что они едут в Биробиджан. Эти настроения «собеза» чувствовались также и на местах в Биробиджане среди части переселенцев – бывших торговцев и др. Классово чуждые элементы всеми силами стремились раздувать эти настроения. Были такие переселенцы, которые считали себя большими аристократами и думали, что сделали большое благо для ОЗЕТа и спасли мир тем, что поехали. Они считали, что работа для них – самое последнее, самое же существенное – это то, что ОЗЕТ должен их снабдить всем готовым как зятя в большой еврейской семье...

Однако следует отметить, что праздничный характер первого биробиджанского переселения имел и свои преимущества.

¹ У меня сохранились три документа, написанные 8–12 мая в «уманском» вагоне между Челябинском и Омском. Это корреспонденции и протоколы общего собрания двадцати переселенцев в вагоне о вопросах дисциплины, культурной работы и т. д.

Кроме того, что без известной праздничности, приподнятого товарищеского внимания и теплоты было бы намного тяжелее поднять в течение каких-то двух месяцев более 600 человек (без семей) в Биробиджан; кроме явного облегчения долгого пути, это имело и другое значение. Лучшая и самая здоровая часть переселенцев — членов партии, комсомольцев, простых порядочных тружеников — чувствовала, что они едут не только для того, чтобы лучше устроиться, «прийти к цели», но что они приняли на себя большую почетную общественную ответственность. В формировании этого чувства большую роль сыграли именно праздничные проводы и встречи в пути и в целом теплая общественная атмосфера.

Это — факт, что некоторые переселенцы, которые не выдержали трудностей, уехали из Биробиджана и позднее работали в Хабаровске, долгое время чувствовали определенную вину как дезертиры и, встречаясь с биробиджанскими руководителями, обычно оправдывались: «Ну что ж, Хабаровск — тоже Биробиджан, советская власть хотела, чтобы мы стали нужными работниками, должны помогать в строительстве Дальнего Востока, вот мы и здесь».

4. Перспективы национальной единицы

В прессе определенное время много дискутировали, была ли ориентация (сразу же в начале переселения в Биробиджан) на еврейскую национальную единицу необходимой или вредной, был ли пятый пункт постановления ЦИК¹ стимулом, который облегчал отправку первых отрядов строителей Биробиджана или нет.

В настоящее время, после решения 7 мая 1934 г., после беседы тов. Калинина с делегацией московских рабочих (2) после выступления секретаря Дальневосточного крайкома тов. Лаврентьева на

¹ «При благоприятных результатах сплошного расселения в районе, на что указано в пункте №5, трудящими евреями — иметь в виду возможность на территории этого района еврейской национальной административно-территориальной единицы» (из протокола №45 заседания Президиума ЦИК СССР 24–28 марта 1928 года).

1-м Съезде Советов ЕАО¹, особенно уместно на основе «Биробиджана» М. Альбертона и «Реалий», которыми мы располагаем, бросить взгляд назад и посмотреть, как масса переселенцев относилась к этому лозунгу тогда, в начале Биробиджана.

Биробиджан мы рассматриваем как еврейское государство. Оказать помощь этому государству, особенно в первое время, очень важно. Биробиджан нам интересен с точки зрения развития еврейской государственной единицы, так что через 5–6 лет каждый еврей будет чувствовать себя, как, например, немец в нашем Союзе, который чувствует, что есть Республика Немцев Поволжья или татарин, которые знает, что есть Татарская Республика. Если бы такое сознание проникло в среду пролетариев-евреев, это бы принесло значительно большие социалистические результаты, возможно даже большие, чем мы ожидали.

Альбертон мало пишет об этом. На странице 47 мы читаем, что Бени, «очень сознательный комсомолец», рассказывал с гордым видом на станциях местным жителям интересные вещи о том, куда едут переселенцы – евреи: «Аж в Биробиджан. Там все евреи станут рабочими, а когда много евреев будет там жить – появится еврейская страна. А когда все евреи будут работать, в Биробиджане будет социалистическая республика трудящихся евреев и тогда все будут знать, что там, на краю социалистического союза, находится социалистическая страна, которая называется Биробиджан.² Вот послушайте, как все колеса стучат: Би-ро-биджан; Би-ро-биджан!» И все деревья всей тайги вместе с бьющимися сердцами подхватывают:

– Ох, там будет! Ох, там будет!

Здесь с известным юмором переданы наивные представления

¹ «Я повторяю, что рассматриваю Биробиджан с точки зрения больших перспектив, того, что у пролетариев-евреев есть своя Родина – СССР и свое национальное государство, что они стали нацией». (М. И. Калинин. Об образовании Еврейской автономной области. Изд. «Эмес», Москва, 1934, с. 13, 18).

² «В чем заключается главная задача, которую партия и вся страна возложили на область, на край? В том, чтобы в ближайшие в нашем Союзе создать еврейскую социалистическую республику» (Биробиджанер Штерн, 24 декабря 1934 года).

очень сознательных комсомольцев о социалистической республике трудящихся евреев, однако суть он схватил правильно.

Позже, уже в Биробиджане, Альбертон показывает нам Мойшке, потомственного земледельца и кузнеца (как видно по особенностям его речи, из Белоруссии) который хочет руководить первой кузницей в первой республике, где не будет недостатков, который уже очарован природой Биробиджана и мечтой «о том, как описать ее и послать это описание во все журналы и газеты». (11)

«Мойшке говорит, что это первая кузница в еврейском государстве. Мойшке – говорит как поэт». Он быстро говорит и рассказывает, что будет руководить первой кузницей в первой республике без изъяна (совершенной республике).

«При первой возможности он опишет сопку, которую мы только что проехали, и пошлет в журналы и газеты. Ох, какая она, эта сопка – «Тихонькая» и заросла она деревцами, большими и маленькими деревьями. А наверху, с вершины, можно увидеть всю еврейскую республику». (102–103)

Конечно, подавляющее большинство поехало не ради национальной единицы, а по социально-экономическим причинам: ради получения постоянной работы, ради того, чтобы избавиться от ненадежных заработков, чтобы перейти к здоровой трудовой жизни. Но, без сомнения, имело значение и то, что они едут в район, который с самого начала предназначен для заселения трудящимися евреями. В это время уже широкие массы трудящихся евреев по достоинству могли оценить сотни советских учреждений (советов, судов, милиционских участков, школ и т. д.), которые партия и советская власть создали специально для говорящего на идиш трудового населения. Перспектива жизни на новом месте в будущем среди компактной массы еврейских трудящихся в известной степени помогла преодолеть тяготы удаленности, трудности и т. д.

Можно утверждать, что вместе с вдохновением, энтузиазмом социалистического освоения далекой окраинной области пер-

спектакли социалистической национальной единицы занимали значительное место в молодежных коммунах «ИКОР», «Гомельский педтехникум» и других, которые вписали поистине героические страницы в историю социалистического Биробиджана.

Не один из биробиджанских ударников, трактористов и др. позднее спрашивал: что слышно о выполнении 5-го пункта?..

С тем же вопросом нередко обращались колхозники Валдгейма, Бирофельда и Амурзета – пионеры, иностранные переселенцы – ударники и другие. Дополнительная задача, которую партия и советское правительство поставили биробиджанским переселенцам, дополнительный лозунг о национальной единице, об активном социалистическом творчестве в наиболее доступных национальных формах не осталось пустым словом: он нашел отклик и принес плоды.

Особое значение имел этот аспект для иностранных рабочих. Среди трудящихся евреев язык идиш (единственный язык в Союзе, который им был известен) был легким путем для, во всяком случае, в первое время, для принятия активного участия в социалистическом строительстве.

Следует отметить, что, наверное, самое сильное воздействие пятого пункта выражалось вот в чем. Немало испытанных партийцев, комсомольцев и беспартийных большевиков, которые сами не чувствовали потребности в среде еврейских трудящихся именно в языке идиш, считали «делом чести и славы» быть среди первых, чтобы помочь партии осуществить историческую задачу, которая имела такое большое значение как внутри советской страны, так и вне ее – построить еврейскую советскую социалистическую республику.

Уже в 1929 году Хабаровский окружной комитет партии мог отметить в своем решении о Биробиджане позитивную роль, которую он сыграл:

«Активное положительное отношение значительной части переселенцев к осуществлению 5-го пункта определения Президиума ЦИК СССР об образовании на территории Биробиджана еврейской национальной административно-территориальной единицы».

Известно, что именно торговые элементы, которые не имели особого желания расставаться со своими старыми заработками, насколько мне припоминается, меньше всего стремились к «еврейской стране» и понятно почему: они уже на старой родине могли прийти к печальному выводу, что при «еврейской власти» они зарабатывать будут не лучше, чем при «нееврейской», и что не стоило идти на такие перемены.

Одновременно следует указать, что как среди переселенцев, так и среди руководителей были такие элементы – бывшие активные сионисты, бундисты и другие, которые пытались 5-й пункт истолковать в националистическом духе. Это выразилось в ложных и вредных выступлениях, устных и письменных, в ложных и вредных установках и средствах в практической деятельности. Все это, конечно же, немало навредило работе. Соответствующим органам – партийным государственным и другим не один раз приходилось остро реагировать.

5. Слои и типы

Альбертон показывает нам галерею разнообразных типов переселенцев. Он показывает нам бедного труженика-каменщика и столяра Михла, которого мы выше уже упоминали; бедного маленького торговца Хaimа Пустыльника из Тельниха, который решительно покрывает с торговлей, отрезает от своего «гешефта» (19) и стремится к тому, чтобы стать порядочным тружеником; бывшего мелкого торговца Мейлеху, который «все годы ненавидел» торговлю.

«Ярмарку, как ты хорошо знаешь, я все годы ненавидел лютой ненавистью» (с. 270). Кстати, Хaim Пустыльник мне сильно напоминает переселенца Борика из Терновки (из уманской группы, с которой я ехал). Бывший мелкий торговец, который позже преданно работал на Бирском опытном поле и остался биробиджанцем, но были и другие.

Я читаю теперь Альбертона, и перед моими глазами стоит «Зхария, киевский поэт», «председатель киевского коллектива, с золотыми зубами, один из двух братьев Орловских в новеньких

брезентовых костюмах и новых сапогах, в которые киевский ОЗЕТ их одел, наполовину рабочих, наполовину деклассированных, которые одними из первых уехали из Биробиджана, позже снова приехали и опять сбежали. Умение написать за один час 100 лучших стихотворений и за одну ночь – три самые лучшие драмы (35, 37, 80) оказалось не самым подходящим для Биробиджана и можно посоветовать ОЗЕТу и в настоящее время как можно дальше держаться от таких «поэтов» и «драматургов».

Передо мной стоят, как живые, пара киевских стариков, которые по рассказам их соседей по вагону на самом деле были нищими с Евбаза. Я вспоминаю «пионеров» с желудками, требовавшими «диету» (42–43), несколько полусумасшедших (79), дефективных малолеток, которые позднее устраивали жене агронома Финкельштейна на Бирском опытном участке настоящие скандалы из-за однообразного меню: «Чем вы нас кормите три раза в день: или хлеб с маслом, или хлеб с медом...» Была, вероятно, для ассортимента и парочка проституток. Вот пара отрывков из «прекрасной» галереи типов:

«Очень плохо ОЗЕТ на местах подбирал людей. Лишь бы вес набрать». [42]

«...Он из Полтавы и как раз член союза и все такое. У него – не о нас будь сказано – один зуб во рту. В Челябинске доктор даже сказал, что он должен быть только на «диете»». (43)

« ...Только теперь видит немой Ноэх из Ромен, что полтавский ОЗЕТ таки самый худший. Дали только 15 рублей и «пошел на фиг». Даже карандаши и листки бумаги не хотели ему подарить.

Так кричит один из другого конца вагона – хоть бы ваш роменский дал экземпляр сумасшедшему.

Ноэх не слышит, но когда ему это повторяют, он злится. Какой же он сумасшедший, Геул? Уже восемь месяцев, как его выпустили из сумасшедшего дома. Какой же он сумасшедший? Он – нормальный, а не сумасшедший. Таки да. И кроме того, Минск тоже такого послал. И тем не менее и ему подарили всякие подарки, как на совершеннолетие» (79).

Вместе с настоящим тружеником-рабочим, кустарем, демоби-

лизованным красноармейцем, бывшим мелким торговцем, которые реально хотели начать трудовую жизнь, среди переселенцев было немало всякого отребья: уголовников, воров, которые уже в пути показали, на что они способны.¹

Торговцы, которые не ленились на станциях, на рынке торговаться из-за пары старых штанов; хулиганы, авантюристы, спекулянты, просто неработоспособные, больные и ни на что не годные, которые вскоре стали тяжелым бременем для нас и так на трудном начальном этапе работы в новой стране. Были и такие случаи, как с молодым человеком из Витебска и его беременной женой, которая должна была скоро родить и которые приехали утром и уже через полдня потребовали – «Льготный билет назад домой!»

«Я вижу члена партии Рефоэла Муляра» с его желтым морщинистым лицом, действительно каменщика (муляра) из бывшего Елисаветграда, который уже давно был не в партии, с его вечным ворчанием и претензиями ко всему миру; таких как Цодек Штупер со своими местечковыми замашками, ссорами из-за недостаточных почестей, желанием везде быть главнее и получать привилегии за то, что едут не просто переселенцами, а биробиджанцами! (72–90)

Альбертон рассказывает о многих мелочах, которые однако тогда были важными: о хорошем отношении на большинстве пунктов приема переселенцев, об удовлетворительном горячем питании (79), недисциплинированности Левы Знаменкера, который был любителем оставаться в каждом городе, через который проезжали (71), который был готов отправиться с первым же случайнò попавшимся человеком копать золото (57), о драках (48) и других хулиганских выходках, ссорах из-за дежурства по вагону (37–38) и т. д. Такие личности, как Лева, Цодек и им подобные, создавали коменданту в пути и позднее биробиджанским работникам и переселенцам на месте много проблем. Такие типы проявили себя одними из первых. Иногда в драках хулиганских

¹ О хулиганстве, спекуляциях и других выходках отдельных переселенцев, представлявших «отбросы» общества, смотри корреспонденции в «Эмес» за май 1928 года и т. д.

элементов по дороге должна была вмешиваться милиция. Тов. Явербойм из Сталинфельдского зернового совхоза и тов. Гохман, директор МТС, бывший комендант минских эшелонов – могут много рассказать об этих стычках.

Альбертон также отметил, что существовали «напряженные» отношения между «Минской дикой дивизией и украинскими жлобами»: по дороге на новую родину эти две «республики» между собой не могли ужиться. (101,48) Но большинство состояло из энергичной молодежи, трудоспособных работяг, со значительным слоем членов партии и коммунистов, что дисциплинировало и цементировало переселенцев в пути и позднее в самые тяжелые времена на месте в Биробиджане.

В главах «Из Иркутска», «Начальство», «Две коммуны» и других... Альбертон описывает с большой теплотой таких хороших людей и энтузиастов-коммунаров, как Давид Файнман, Лейзер Виницер, Ханка из детдома, Роза Сквицкая, светлые женские образы Любы и Симы – студенток витебского и минского педтехникумов, прилукских швей и других, о ком речь пойдет дальше.

Дальше нам придется говорить об ошибках в «Биробиджане» Альбертона. Однако следует упомянуть здесь, что уже в первые месяцы Биробиджан показал, что вредные элементы среди переселенцев находились в гораздо большей пропорции и что их отрицательная роль была гораздо большей, чем мы это видим у Альбертона. Торговцы – из Бобруйска и Баку, Минска и Москвы – уже в первые недели показали, на что они способны. Некоторые сделали самое лучшее – быстро уехали, но некоторые из этих классово-враждебных элементов, к сожалению, остались там на более долгий срок и создали достаточно много проблем: саботаж, торговлю водкой, подстрекательство, кражи и т. д.

Следует вспомнить, что в те годы среди еврейских переселенцев был вообще большой процент тех, кто до последней минуты занимался торговлей даже с патентом третьего разряда, что там были различные категории переселенцев: те, кто ехал за свой счет, и те, кому нужно было вложить в собственное хозяйство несколько сот рублей. Правда, первые переселенцы в Биробиджан

почти все принадлежали к первой категории, но тогда еще было время свободной торговли и в среду пионеров Биробиджана прохралось определенное количество не только мелких торговцев, но даже недавних богачей (что они обычно отрицали).¹

Следует отметить, что у Альбертона эта дифференциация была сильно приглушенена — как ведущая партийно-пролетарская часть, так и классово-чуждые элементы изображены нечетко, добродушно, миролюбиво. В жизни, уже в вагоне, классовые противоречия среди переселенцев чувствовались куда острее. Позднее у Бергельсона в «Биробиджанцах» этот момент показан отчетливо.

6. Первые шаги

Мне кажется, что с точки зрения правильного описания первых шагов в Биробиджане у Альбертона лучшими главами являются главы «Разочарованный» и «Первый митинг» (82–91, 91–100) о приеме в Тихонькой — первой базе переселенцев.

Следует отметить заслугу Альбертона в том, что он присутствовал при больших испытаниях — стал прокурором и судьей первых месяцев работы в Биробиджане. Он видел достаточно трудностей, страданий переселенцев, беспорядка, который часто граничил с преступлениями. Можно было легко заявить:

— Не следовало начинать. Нужно было сначала готовиться 5 лет, надо было поселиться не здесь, а там и т. д.

Было легко обвинять ОЗЕТ, который тогда (в основном на государственные средства и частично за собственный счет) проводил там оперативную работу, и его деятелей, безголовых людей, которые ничего не приготовили, ни о чем не думали, привели людей к гибели, выставили перед миром на смех и похоронили в грязи огромные суммы советских денег. Можно было утвер-

¹ Точный анализ социального состава переселенцев в Биробиджан в 1928 году отсутствует. По данным представительства ОЗЕТ на 1 октября 1928 года среди 472 переселенцев по данным самих переселенцев было: рабочих — 16%, крестьян — 7%, служащих — 10%, кустарей — 39%, бывших торговцев — 2%, лиц неопределенных профессий (сюда вошли многие бывшие торговцы) — 26%.

ждать, что Биробиджан уже провинился, что из Биробиджана ничего не выйдет и т. д.

Были и такие, и схожие выступления. Иногда со стороны за-маскированных классовых врагов (Брагин), иногда со стороны действительно советских авторов. Примерно так выступил – остро, с уверенностью в себе и в том, что только он обладает единственным верным рецептом – через год после Альбертона журналист В. Финк и другие оппоненты.¹

Многие из этих оппонентов с большей частью своих выводов, рецептов и советов попали, как «слепая лошадь в яму». Особенно это видно теперь, после того, как Биробиджан благодаря руководству и большой заботе и партии и советского правительства, не-смотря на все трудности, одержал значительные победы и вышел на путь развернутого социалистического строительства. Сейчас уже, кажется, нет таких смельчаков, которые бы выносили вердикт:

– Не нужно было начинать!

Альбертон на такой путь не ступил. Считал ли он, что еще слишком рано выносить приговор или он не хотел внушать [свои взгляды], но он сам, книга и история Биробиджана от этого выиграли. Правда, книга, возможно, немного потеряла в смысле остроты, пикантности и сенсационности, но она осталась ближе к истине.

Говорить обо всем исчерпывающе означало бы, что короткая, но довольно сложная история Биробиджана затерялась бы в горах документов, выступлений, полемики, дискуссий. Здесь этому не место. Здесь не место перечислять все справедливые и несправедливые претензии и доводы по поводу того, почему начало было в такой спешке и сразу же после постановления ЦИК были посланы переселенцы в Биробиджан. Здесь не место останавливаться на вопросах, не было бы вернее подождать год или два, подготовиться, как следует, настроить раньше достаточно домов, дорог, наладить телефонную связь, подготовить необходимое оборудо-

¹ В своей книге «Евреи в тайге» (на русском языке), а также в устных и письменных выступлениях. Правда, во втором издании своей книги он изменил некоторые оценки. Об этом – в дальнейших главах.

вание, кадры работников аппарата и т. д. И только потом посыпать переселенцев; нужно ли было сразу же начинать заселение таким количеством переселенцев в таком количестве разбросанных пунктов? Здесь следует проанализировать детали того, какими были основные ошибки первого периода. Здесь нужно только отметить следующее: конечно, работники КОМЗЕТа и ОЗЕТа, а также компетентных общих органов слишком легко подошли к средствам, которые потребовались для освоения района необходимыми темпами и заселения его переселенцами – евреями; конечно, они недооценили климатические, почвенные и другие трудности освоения района, которые с трудом переносили даже нееврейские переселенцы, потомственные крестьяне, которые переселялись в этот район до революции и после революции в 1926–1928 годах. Много ошибок можно было бы, конечно, избежать при лучшем планировании, при наличии большего опыта, при наличии большего количества и лучших кадровых работников. Однако не следует упускать из виду, что переселение евреев в Биробиджан было частью общего переселения на Дальний Восток, с большей частью его достоинств и недостатков.

Кто был тогда на месте и в курсе работы, знает, что дело было совсем не простым. То же подтверждает литература и другие материалы того времени. Советское правительство еще тогда, накануне пятилетки, не могло вкладывать в строительство Дальневосточного края, и в том числе Биробиджана, такие огромные материальные и финансовые средства, как это происходит сейчас. Общее переселение не было тогда подготовлено надлежащим образом в отношении земельных фондов до приезда переселенцев.¹

В 1929 году также Всесоюзный Госплан и Всесоюзный комитет по переселению во всесоюзном масштабе заняли точку зрения, что земельные фонды должны быть подготовлены до

¹ Только в 1929 году отмечаются изменения. В постановлении от 29 апреля 1929 года в переселении в Биробиджан бюро Дальневосточного крайкома ВКП(б) включен очень важный пункт, который актуален и до сих пор: «при составлении смет на следующий год исходить из того, что основные средства на подготовку земельного фонда для переселенцев 1931 года следует выделять в 1930 году».

приезда переселенцев. (А. Мережин. «Что такое Биробиджан», Москва, с. 65; 1930 г.) Тогда еще в значительной степени все шло по законному дореволюционному пути. В значительной степени ориентация была на частную инициативу закрепления переселенцев. Существовал документ о том, что переселяться могут только такие крестьяне, которые могут вложить в хозяйство собственные несколько сот рублей. Кредиты на строительство дорог, корчевку, не говоря уже о строительстве домов, выделялись только по количеству семей, которым нужно было поселяться в текущем году. На строительство дорог еще в 1928 году существовала норма-лимит в 600 рублей на версту. Приходилось семь раз обустраивать тот же отрезок – и все равно происходило затопление. Первые шоссейные дороги, которые сейчас там существуют, обошлись в несколько раз дороже, чем предусматривалось нормой. Общее переселение тогда осуществлялось еще без основательной плановой подготовки, о телефонной связи даже не думали, очень много знали о тракторах (теперь, при колossalных средствах, которые партия и советская власть тратят на социалистическое строительство в Дальневосточном крае в т. ч. также в ЕАО, при больших возможностях, которые создала разросшаяся в огромных масштабах социалистическая индустрия – условия переселения радикально изменились).

Правда, еврейское переселение имело некоторые преимущества по сравнению с общим: 600 рублей из государственного бюджета на семью. Еврейское переселение происходило в условиях более высокого уровня механизации и обслуживания. Однако из общих норм и лимитов нельзя было выпрыгнуть, хотя еврейское переселение имело большие особенности. Поэтому пришлось изымать средства из других источников, чтобы выделить кредиты на семью из расчета 1500-2000 рублей на несколько лет, а для организации хозяйства на должном уровне, как показал опыт, нужно было гораздо больше... Колхозы таки получили эту сумму, но только после длительных пертурбаций, перехлестов, истязаний, которые тянулись годами. Переселенец-нееврей приезжал обычно с 500-1000 рублями и даже более (от продажи

жилья и инвентаря, земли, которую давали в аренду по закону от 18 апреля 1928 года на срок до шести лет), очень часто со скотом, мукой, инвентарем, с профессиональными знаниями по работе на земле, в строительстве и т. д., а еврейские переселенцы получали пищу в пути...

Позднее многое радикально изменилось. Еврейское переселение в Биробиджан в общей переселенческой работе на Дальнем Востоке принесло много нового. Еврейское переселение в Биробиджан ориентировалось на то, чтобы поднимать целину в основном тракторами. Подготовленные для работы на первый год ОЗЕТом 26 тракторов (купленные на госсредства и частично на общественные средства «ИКОР» и т. д.) были пока первыми в Биробиджане и заняли определенное место в механическом парке края в целом. Оперативная контора ОЗЕТА вела в Биробиджане (как ранее в Крыму и Украине) в большой степени работу позднейших МТС (понятно, без политических и других функций МТС) и даже в более широком масштабе: она строила дороги, дома, корчевала, сеяла, убирала урожай, создавая кустарные мастерские, обеспечивала инвентарем, а в первое время и продовольствием, даже кредитовала и т. д.

Ведущие учреждения и организации – Дальневосточный Крайком, Крайисполком, правительственные комиссии во главе с тов. Шотманом, которая исследовала Дальневосточный Край в 1929 году, и другие – знали и ценили это (см. фото 6)¹, однако эти изменения не были ни такими легкими, ни такими быстрыми. Мы можем правильнее оценить этапы пионерской работы в Биробиджане, если принять во внимание определенные трудности в сельскохозяйственном и прочем переселении даже сейчас, в 1934 – 1935 годах, совсем в других условиях и при других обстоятельствах, когда в огромной степени возросли средства и возможности.

Тракторы из Америки тогда (в 1928 году) запоздали, плужные устройства к ним – тем более, а вспашку целины лошадьми пред-

¹ Отрывок из отчета свидетельствует о положительных сторонах в работе с переселенцами, о высоком качестве работы в Биробиджанском районе в сравнении с работой с переселенцами в других районах Дальневосточного края и т. д.!

ставляли себе слишком легко. То же относительно плана вспашки в первое лето 4–5 тысяч гектаров; планировали накосить для переселенцев сотни тысяч пудов сена; вывезти летом по биробиджанским дорогам (в их тогдашнем состоянии) пиломатериалы и т. д.

Не следует также забывать, что в начале переселение было исключительно сельскохозяйственным, во всяком случае, в первый год и без совхозов. Сейчас положение, как известно, радикально изменилось. Но тогда все переселенцы (за небольшим исключением) – рабочие, кустари и другие должны были идти или в коллективные или индивидуальные хозяйства, и это увеличивало отток.

В 1928 году постановили поселить 500 семей, 600 человек (450 представителей семей и 150 молодых людей, которых считали за 50 семей). Тогда поехали только представители семей, без жен и детей). Поселили их сначала сразу на 7–8 земельных участках¹, вокруг Бирского опытного поля (в радиусе 20–25 км – большинство (см. фото 8), а также вокруг Тихонькой, между Тихонькой и опытным полем, позднее немного на Амуре.

Только на участках вокруг опытного поля было 30 артелей и коммун. Главной причиной, почему переселенцы начали селиться в особенности вокруг Бирского опытного поля, была та, что только там были официально «приготовленные», то есть земли устроенные, измеренные, выделенные земельные фонды, которые не требовали раскорчевки. Там было несколько больших и маленьких деревень, где можно было получить определенную помощь. На опытном поле было несколько зданий, которые можно было временно занять (см. фото 10).

Позднее, когда часть переселенцев уехала на Амур (неожиданно, об этом дальше), и по другим причинам, новый поселок

¹ Эта распыленность поселений, которая нанесла опять большой вред, была вызвана, кроме неопытности, также частично тем, что в части земельных участков значительная часть земельных дольбы была закреплена в прежние годы за нееврейскими переселенцами, у которых было право на определенный срок селиться там. Это значит, что на этих участках официально была свободная земля для многих семей.

стал еще более разбросанным. Начались дожди, наводнения и эпизоотии. Большинство земельных участков ранее или позднее оставили. Очевидно, не предусмотрели, что значит в Биробиджане поселить людей на земельных участках в 50–80–90 км. от железной дороги, от станции Тихонькая.

Переселение в Биробиджан началось сразу же после постановления ЦИК, но без подготовки, кроме других причин, также в связи с тем, чтобы земля могла отлежаться перед посевом и еще, возможно, чтобы посеять что-нибудь перед новыми дождями.

Сначала рассчитывали в течение первого года создать из переселенцев рабочие дружины для вспашки земли, строительства домов и дорог. У большой части переселенцев существовало сильное стремление получить именно собственную долю в земельном участке для коллективного или индивидуального хозяйства (смотрите у Альбертона стр. 16, 211–211). Коллективизация среди переселенцев пошла быстро, однако у этих коллективов не было экономической базы (см. далее характеристику агронома Пайкина). Из родных мест почти все переселенцы ехали организовано в обществах переселенцев или даже в форме «готовых колхозов, артелей и коммун, с принятыми уставами, содержание которых было не слишком понятным» (34), даже с готовыми печатями. Но особого импульса эти уставы с печатями не придали. Только через несколько лет работники центрального КОМЗЕТа смогли доказать деятелям центральных органов по переселению, что требовать, чтобы все переселенцы должны организоваться в колхозы еще до отъезда с родины, значит «выбрасывать на ветер деньги» на печати, потому что на месте в Биробиджане переселенцы вскоре группируются заново: кто уходит в другие колхозы, кто в ремесленные артели, кто на предприятия и учреждения. Но доказывать это им пришлось непросто».

Рабочий план на 1928 год касательно пахотных работ, строительства дорог, гражданского строительства, жилищного строительства и т. д. был выполнен только на 10–35 %, причины чего были указаны в постановлении Дальневосточного Краевого комитета ВКПС(б), крайисполкома и д. р. Мы приводим здесь не-

сколько пунктов из резолюции. Вот оценка еще в том же 1928 году:

Выдержка из резолюции Бюро Дальневосточного крайкома ВКПС(б) от 12 ноября 1928 года о работе по заселению Биробиджан трудящимися евреями в 1927- 1928 годах (доклад КОМЗЕТа – тов. Рашкес, от РКИ – тов. Смородин)

1. Констатируем:

а) незначительное выполнение намеченных плановых заданий на 1927 – 1928 года в основном следствие позднего начала развертывания подготовительных работ, недостаточной подготовки аппарата КОМЗЕТа, а также вследствие стихийных бедствий, затронувших район: наводнения, эпизоотии сибирской язвы.

2. Отмечается, что несмотря на тяжелые условия прошлого лета, 400 переселенцев заселились в большинстве в составе коммуны и коллективов (имеются в виду сельхозартели), значительная часть кооперирована.

3. Своевременная организация в советских кооперативах объединений переселенцев помогла обеспечить переселенцев предметами первой необходимости, продуктами питания, кредитами, санитарно-курортным обслуживанием и способствовала установлению добросовестных отношений между еврейскими переселенцами с «местными жителями и русскими переселенцами». («Трибуна еврейской советской общественности» 1928 г., № 22, стр. 5).

29 апреля 1929 года Бюро Крайкома партии в постановлении о Биробиджане указало на другие причины трудностей и провалов в 1928 году, а также на пути того, как избежать их в дальнейшем. В числе прочего бюро констатирует (пункт 5): «Однако, несмотря на вышеуказанные неблагоприятные условия в прошлом году, к весне 1928 году из еврейских переселенцев и ходоков осталось 40–50% и следует считать такие показатели для первого года работы, учитывая указанные трудности, – удовлетворительными».

Следует отметить, что за считанные месяцы (подготовка началась в январе – феврале. В марте уже первые деятели [ОЗЕТа] – тов. Бейнфест, Финкельштейн и другие были в Биробиджане – аппарат КОМЗЕТа многое сделал: к приезду переселенцев (в на-

чале мая и позднее) на месте были уже лошади из Сибири и Забайкальской области, упряжи, продукты, сельскохозяйственные орудия, был создан определенный аппарат, были подготовлены первые агрономы, инструкторы из местных сторонников казаков, которые должны были научить переселенцев, как запрягать коней, пахать и т. д. К августу уже прибыл 21 трактор и другие машины, были организованы ремонтные мастерские, пасеки, подготовлена первая группа трактористов и т. д.

И эти первые дни в Тихонькой Альбертон показывает не-плохо. В главах «Разочарование», «Первый митинг» и других он показывает нам оба момента: и недостаточную подготовку, большие страдания переселенцев, и значительную проделанную работу, внимание к переселенцам со стороны работников ОЗЕТа, которые не пали духом.

Он показывает нам, что руководство было реальным, а не анекдотическим, как хотели это представить некоторые. Это в особенности проявилось позже, в июля – сентябре, во время наводнения и эпизоотии.

7. Первая встреча

На протяжении пары месяцев деятели ОЗЕТа доставили из мест, удаленных на тысячи километров (из Москвы, Сибири, Дальнего Востока), палатки, лошадей, продукты и т. д. В Тихонькой был прочный новый дом – барак, построенный в 1927 году для нееврейских переселенцев, которые прибыли в этот район. Рассчитывали, что этим бараком могут также воспользоваться переселенцы – евреи. Барак был построен по старым образцам, не разделен на комнаты, с двухэтажными нарами. Только на большом пункте приема переселенцев в Хабаровске, который тогда считался образцовым, мы обнаружили высокие светлые комнаты, но все же с нарами, правда, уже одноэтажными. Об особых комнатах с постелями тогда никто не думал. К этому ОЗЕТ в Тихонькой пришел только в 1930 году.

В Тихоньскую еще тогда приехало несколько нееврейских пе-

переселенцев, за которыми были закреплены земельные доли в 1927 году (в старой переселенческой системе существовал целый ряд формальностей и прав касающихся ходоков, которые ездили подобрать земельные доли, закрепляли их за собой, если они им нравились, и через год могли их закрепить за собой, получать кредиты и т.д.). Здесь, начиная с мая, вмешались дожди, знаменитые биробиджанские дожди 1928 года и расстроили планы... Евреи переселенцы начали прибывать в мае целыми эшелонами. Из-за дождей и по другим причинам нееврейские переселенцы задерживались в бараке свыше нормы – 3-х дней. Старый руководитель переселенческого пункта – некий Худзинский, его фамилия дала даже название знаменитому участку будущего Валдгейма, который имеет еще одно – старое тунгусское название Кирма. Один «опытный» автор в журнале «Борьба классов» (1932, № 9–10) создал сразу три коллектива – Кирму, Худзиновку, Валдгейм ...) не был к переселенцам излишне внимательным и доброжелательным. Позднее его сняли и заменили тов. Михлом Бейнфестом. Тов. Бейнфест ранее был ответственным секретарем в белорусском КОМЗЕТе. В 1928 году он принял участие в биробиджанской единице центрального КОМЗЕТА. 17-го марта 1928 года он вместе с Виртшафтлером, начальником собрания, прибыл в Хабаровск и Биробиджан, чтобы организовать прием первых переселенцев. 25-го марта прибыл агроном Финкельштейн, член партии, деятель ОЗЕТА, который занимался крымскими фондами и был старшим агрономом КОМЗЕТА. 28 апреля Центрального КОМЗЕТА прибыли товарищи Мережин и Брук – временно, а из Центрального управления ОЗЕТА тов. Рашкес на постоянную работу в качестве руководителя Дальневосточного комитета и временно для руководства Биробиджанского представительства центрального правления ОЗЕТА. Представительство создало конторы в Хабаровске, Тихонькой и позднее также в Екатерино – Никольском до 1930 года (когда Биробиджан стал административным райкомом. До того территория Биробиджана входила в состав четырех районов, которые принадлежали двум округам) проводил оперативную работу в Биробиджане в соот-

ветствии с договором с государственными учреждениями и т. д.

Товарищам Бейнфесту и Финкенштейну часто приходилось заседать в Хабаровске. Вполне возможно, что условия при прибытии эшелона, которые описывает Альбертон, были примерно такими, какие он описывает в главе «Разочарование». Уполномоченный в тот день был в Хабаровске и прием в Тихонькой был еще хуже, чем обычно.

Вокзал в Тихонькой сильно разочаровал переселенцев:

«...Ну нет! Этого не может быть! Это наверное не главная станция. Возможно, это такая себе станцийка. Не может быть, чтобы это была главная станция «Тихонькая». Взгляни, прошу тебя, на этот вокзальчик величиной с крыльцо¹... Это даже ведь не второй класс.

И третьего класса тоже нет? Что же это за вокзал?...»

«...Мамочка, куда нас привезли? Ай, ай, Биробиджан с вокзалом! Такого уже никто не ожидал. Как же нам наврали дома. Хоть бейся головой об стенку. Никто ничего не знал и каждый корчил такую мордочку, как будто он здесь бывал. А дождь, как он льет! Как будто его кто-то заказал. Льет и льет без перерыва. Как же здесь сырь! Да. Хорошо привезли. Ну, куда теперь? Хоть садись и кати назад...» (83–85) (см. фото 7). Я помню такие дни в конце мая. Дождь лил. В Тихонькой собралось много переселенцев, которые не могли выехать на земельные фонды из-за дождей, размокших дорог и по другим причинам. Это их сильно нервировало, волновало.

Я вспоминаю, что немало крови испортила история с упряжью. Посреди Тихонькой стояли целые табуны лошадей, там, где сейчас площадь перед облисполкомом. Кони, как львы, с хорошим смотрителем Хайзатулиным, татарином. Телеги тоже были подготовлены (из-за глинистых дорог они оказались слишком тяжелыми), однако не хватило упряжи. Где-то она задержалась. Во-

¹ В 1928 году в Тихонькой «вокзал» действительно был как крыльцо. Это было место для пропуска десятка пассажиров. Только в 1933 году был построен большой временный вокзал – барак. В 1935 году в бывшей Тихонькой, сейчас в городе Биробиджане, приступили к строительству каменного двухэтажного вокзала. В «Правде» от 2 января 1936 года была перепечатана телеграмма секретаря обкома партии тов. Хавкина об окончании строительства вокзала, одного из красивейших зданий на Уссурийской железной дороге.

обще тогда было легче найти товар, продукты, упряжь, чем в позднейшие времена, но не все шло как по маслу, ведь это был не Крым, а Дальний Восток, куда тогда даже деревянные стулья и простые телеги везли за тысячи километров.

Кроме того, упряжь была сырой, не протертой, плохо разбиралась. В грязи лошадь часто распрягалась, выскакивала из оглобли. Гужи растекались, а вот перевязать их – обычное дело для любого крестьянина – не каждый переселенец был в состоянии. Хоть плюнь и беги покупать льготный билет...

Тов. Айзман, председатель прилукской коммуны, о которой будет идти речь далее (она называлась «Наш путь») разбил свой палаточный лагерь около железной дороги. В палатках люди чуть не плавали, там была вода и пришлось искать более высокое место.

У меня сохранилась пара фотографий (см. фото 7) такого палаточного проспекта, улицы из двух рядов, рядом с дорогой к лагерю как раз напротив здания ОЗЕТа из шлакобетона, впоследствии квартира райисполкома – первое здание, оборудованное средствами противопожарной безопасности в Тихонькой, построенное в 1930 году). Здесь жила молодежь с Урала, молодые из дождя не делали проблем. На одной из тех фотографий видно: на короткое время перестал идти дождь (в перерыве между дождями также бывали ясные погожие дни) и сапожник выбрался из времянки, устроил на двух ящиках свои инструменты сапожника, поставили вывеску и взялись за работу. Во времянках положили доски, набросали сено, устроились поудобнее...

Часть переселенцев жила у старожилов за 10–12 копеек в день, заняли также клуб железнодорожников.

Я склонен думать, что Альбертон в главе «Разочарование» почти фотографировал действительность. Я вижу уже упомянутого Рефоэла Муляра со своим постоянным ворчанием по поводу биробиджанских и других обид. Я вспоминаю и других героев Альбертона. В эти трудные моменты особенно важным было поведение таких сознательных твердых партийцев, комсомольцев, пролетариев, как Давид Файнман и других, с их убедительным подходом к людям, который заключался в успокоении возбужденных страстей.

«Рефоэл развел руками, наморщился, выпучил глаза. Так значит, 24 суток в пути псу под хвост? А теперь оставаться в вагонах – тоже ничего? Никто не встретил и это тоже ерунда? Нет бараков – игрушка? А сколько народу дома ждет, ты уже забыл! То, что никто не заботится о массах, думаешь, это не чувствуется?..

Кто знает, сколько вопросов еще задал бы Рефоэл, если бы его не перебил Давид. Давид никогда не был таким возбужденным, как сейчас. Он хотел жестикулировать двумя руками, но не мог двигать левой рукой. Он хотел, казалось, съесть [того, кто выступал] своими черными, теперь злыми глазами.

– Что значит, конкретно указать? Первый довод: здесь пусто и дико. И об этом везде знали. Разве дело в том, что здесь пусто и дико, что здесь ничего нет – это каждый должен был понимать.

То, что сюда все везут, что любую мелочь приходится делать самим – должен понимать каждый. То, что здесь есть бараки, но они должны освободиться через пару дней – это вы сами видите. То, что те, кто обещали сплошное счастье, оказались обычновенными шарлатанами, отвратительными лжецами – это вы, Рэфоэл Муляр, и так знаете. То, что не вышли навстречу? – Слава Богу, а если бы нам не устраивали «свадеб» нигде, то нам здесь было бы легче». (89)

Ясными вечерами на берегах Бирзы назло комарам рядом с палатками разжигали костры и устраивали досуг с живой газетой, музыкой, песнями и танцами. Об этом заботились первые временные культработники ОЗЕТА тов. Хохман, бывший технический секретарь Главбюро евсекций ЦКВКП(б), и позднее директор Амурзетского МТС – долгое время лучшей в крае.¹

8. Переселенцы и руководители

Вот после хорошей партии дождей вышло солнце. Альбертон блестяще передал огромное воздействие Биробиджанского солнца и дождя на настроение. Льют дожди, хочется (естественно на данной ступени коммунального и бытового обустрой-

¹ О первых днях в Тихонькой смотрите «Эмес» за май-июль 1928 года.

ства) бросить все и бежать на край света. Покажется солнце – страна становится другой, другими люди, другим настроение, хоть иди танцуй! Так было и намного позднее. Биробиджанско солнце осушает грязь, как «по волшебству», прямо на глазах.

Вы видите у Альбертона некоторые правильные штрихи относительно руководителей переселения в Биробиджан в те времена: товарищи Мережин, Рашкес, Финкельштейн, Бейнфест. Первые двое прибыли в Тихонькую из путешествия на Амур, в Михайло-Семеновск (теперь Блюхерово) – районный центр части приамурской полосы Биробиджана. Встреча и ними была деловой. Они приехали действительно заросшими, загорелыми, как и описывает Альбертон. Хороший или плохой, но имелся в наличии план работы в отличие от некоторых легенд, по которым его не было. Руководители говорили без агитации, буднично. У них уже был определенный аппарат, портовый инвентарь и т. д. Так отлично показан в главе Альбертона «Первый митинг» (91–100):

«Переселенцы уже высматривали все уголки. Все уже знают, где находится главная канцелярия. Там можно получить все сведения. Там сидит уполномоченный агроном с раздвоенным носом и всклокоченными волосами. Агроном все знает и его фамилия Финкельштейн. На двери конторы висит объявление «Нужно зарегистрироваться». Нужно рассказать. Нужно спрашивать! Сегодня вечером – митинг. Сегодня придут люди, которые знают и могут все. Они поднимут еще выше и так повышенное настроение.¹

Эта глава очень популярная (ее читают вечерами), принадлежит, как мы уже говорили, лучшем частям книги. Особенно

---

¹ Сравните со следующим отрывком из корреспонденции в «Эмес». Объявления – короткие, деловые, сделанные простым и красным карандашом: «Просят всех товарищей зарегистрироваться, кроме переселенческого пункта, также тов. Бейнфеста»; «Просят всех товарищей зарегистрировать свою квалификацию».

Есть анкетные объявления. Далее уже идут объявления, которые еще больше привлекают внимание переселенцев: «Лошадей – настоящих сибирских, диковых и забайкальских маленьких, (но крепких) выделяют каждый день с... до...»; «Тем, кто хочет получать семена овощей, следует обратиться в кредитное общество». И на закуску: «Сегодня в 7 часов вечера около палаток (новая площадь еще без дощатого покрытия, новый адрес) вечер самодеятельности». Тихонькая, 27 мая 1928 года (М. Кадышевич «В Тихонькой», «Эмес», 13 июля 1928 года).

удачно переданы в сжатой форме претензии различных типов переселенцев к руководителям. Деловые и практические, с одной стороны, и претензии Барайсеров, бывших владельцев завода зельтерской воды и кандидатов на отъезд – с другой.

Мережин говорит о простых, обычных вещах. У него невыразительный голос. Завтра нужно приступить к работе. Лошади здесь. Телеги здесь. Плуги здесь. Берите лошадей, телеги, плуги и идите на работу. Его вскоре перебивают. Сотни вопросов. Тысячи вопросов:

Где 1500 рублей кредита? 350 червонцев? Где скот? Почему нет бараков и домов? Почему не дают денег, чтобы можно было забрать семьи? Почему здесь так долго маринуют переселенцев, а не посылают на участки? Почему нет кожевенного завода и часовного завода, а в Минске – есть?¹ Почему еще нет тракторов? Где гнус? А если я не хочу в коллектив, могу ли я быть единоличником? Можно ли переходить несколько раз из одного коллектива в другой. Сколько выплачивает ОЗЕТ, если хотят вернуться домой? (94)

Хлеба тогда в Тихонькой было достаточно, даже обеды в отличие от «голодных телеграмм» Финка. Конечно, с транспортом и т. д. бывали перебои.

Альбертон не забывает нам показать далее, как во время первого выезда на земельные фонды едут вместе с первыми пчелами для первого экспериментального пчеловодческого хозяйства на бирском опытном поле. Он вспоминает также первые курсы трактористов, один из самых важных достижений сразу же, в первые недели.

Проблема людей. Это была тяжелая проблема для обеих стран: и для лошадей, и для переселенцев. Альбертон ее не обошел.

Лошади были местные, забайкальские и сибирские, не какие-нибудь дикие кони американских прерий. Часть из них была мало

¹ Сравните со следующей заметкой в «Эмес»: «Среди тех, кто едет домой, есть даже такой экземпляр, как А. Зелевский из Минска, который выступает с претензиями «Почему у нас (в Минске) есть автобусы, многоэтажные дома, а здесь, в Биробиджане – нет?» («На Бирском поле, 22 июля» «Эмес», 14 июля 1928 года).

объезженной или совсем не объезженной, не ходила в упряжи, не познала вкуса хомутика. Это были по большой части кони, как львы.

Но научить этих лошадей ходить в упряжи для большинства переселенцев было трудным делом. Переселенцы мучились, их часто выбрасывали из телег, лошади получали достаточно жестоких ударов и тычков, а ОЗЕТ – проклятий. Переселенцы побеждали – но это была часто печальная победа, сопровождавшаяся жалобами на победителей: не обходилось без хулиганских выходок, без порчи государственной собственности, без вредительства со стороны классово враждебных элементов среди некоторых переселенцев (97–99, 109 и т. д.).

Позже история с лошадьми достигла уровня политической проблемы и оказалась связанной с антисемитизмом.

Когда вспыхнула эпидемия сибирской язвы и пала половина лошадей, некоторые ветеринары из района и края пытались оправдать собственную беспомощность, пассивность (и даже иногда злую волю) тем, что евреи не могут управиться с лошадьми. Утверждалось, что дело не в эпидемии, а в том, что евреи не кормили лошадей, издевались над ними... Эти претензии выше упомянутые деятели, конечно, мало помогали, но доля правды в этом была. В молодежной конторе «ИКОР», где с лошадьми обращались очень благородно, ни одна из них не пала.

9. Евреи и казаки

Не совсем правильно Альбертон описывает казаков (мы это покажем позднее), но их встреча с переселенцами-евреями показана, по сути, верно.

Не было заметно ненависти к новоприбывшим, чужакам, евреям. Их, естественно, приняли с любопытством, как неизвестное существо, но просто и добродушно. С новыми людьми, думалось будет веселее, кстати, придут трактора и другие полезные вещи. В главе «Микита в Биробиджане» и в других главах Альбертон показывает нам тогдашнюю экономику Биробиджана, население со своими обычаями. Богатая страна, богатые

казацкие хозяйства, но отсталые, закосневшие. Жители Тихонькой как вообще железнодорожных поселков почти не сеяли, у них не было хлеба.

Двери и ворота стояли открытыми, часто вообще не было ворот. На дорогах спокойно. Первые переселенцы обычно в казачьем селе Лазарево и других селах по-дешёвке покупали мешки риса, пуды меда, свиней и т. д. В Тихонькой дома обычно не закрывали ни днем, ни на ночь.

Я вспоминаю много фактов, как в Тихонькой и тем более на Амуре первых переселенцев принимали совсем неплохо, в некоторых местах даже очень гостеприимно: принимали на ночлег, давали есть и ни в коем случае не хотели денег. Были случаи, приглашения поселиться по соседству: берите землю, работайте! Земли для вас хватит (в деревнях Самара, Кукелово).

Вот как Альбертон описывает первую встречу евреев-переселенцев и старожилов в Тихонькой: «О чём не знают местные жители? Они знают, что странные переселенцы скоро привезут сюда «трактора», которые будут действительно пахать землю, привезут машины для очистки риса и для строительства дорог. Их молодежь привезет с собой кино. Кино с большим экраном, размером со стену. И электрическая и немаленькая лампочка будет освещать с другой стороны экрана. И что они еще привезут? Все они с собой привезут...

Сегодня ходят по улицам, залитым солнцем и позолоченной грязью, и знакомятся. Пожилые местные жители беседуют с евреями того же возраста. Женщины расспрашивают женщин, еврейские парни заговорщески подмигивают местным девушкам. Девушки с круглыми широкими лицами, как лепешки прямо из печи, не отстают, а отвечают не просто взглядом, а громким визгом» (91–92)

А вот вечера в Лазаревом:

«Они были довольны, что евреи приехали сюда. Разве они помешают? Евреи ничего не займут, здесь под ногами валяется столько земли и леса, что хватит всем. Не только евреям (120). Были, конечно, и другие случаи. Были старожилы не особенно довольные тем, что в регионе станет плотнее. Начнется строительство города,

займут огороды в Тихонькой, немногие сухие «релки» (песчаные возвышенности на равнине). А кроме того, лишний посторонний глаз там, где делают «гешефт» – совсем не преимущество. Для контрабандистов, например, из Алексеевки (около Бирофельда), которым товарищ Бялый, председатель сельсовета, перекрыл дело – конечно, нет.

Некоторые жители Тихонькой стали через некоторое время продавать свои дома переселенцам (это было тогда проблемой), стали паковать вещи, перебираться в другие места. Были и отдельные случаи антисемитизма: письма с угрозами (в Екатерино-Никольском) и другие. Нужно помнить, что казачьи, как и другие, поселения не было однородными, среди выходцев с Запада, из Украины, Белоруссии и т. д., были и такие, кто принес с собой остатки прежнего «милого» идеологического наследия.¹

В описании Альбертоном казаков, как мы уже говорили, присутствуют неправильные моменты (идеализация, и т. д., детальнее об этом далее). Но от этого суть еврейско-казачьих отношений не меняется. Страх, который у некоторых был перед казаками (член экспедиции ОЗЕТа в 1927 году Батуринский), был напрасным. Другие занятия оказались не такими привлекательными – светлыми и розовыми, как это представлялось вначале, как например, вспашка целины, сенокос, работа на рисовых полях.

В главе «Фишкада тоже едет» Альбертон рассказывает нам историю о фишке, плотнике-еврее средних лет, который сдружился со своим товарищем Митрофаном, тоже плотником, намного больше, чем с местными евреями. Они стали сватами: сын Фишки, отслужив в Красной Армии, уезжает в Биробиджан и тянет за собой свою семью. Фишка уговаривает Митрофана тоже уехать в Биробиджан. Какие реалии лежат в основе этого эпизода, отражают суть советского интернационального совместного

¹ Стоит заметить, что переселенцы-украинцы, которые поселились в Лазаревом и других местах, приняли еврейских переселенцев по-дружески.

Украинцы в Лазаревом особенно довольны: их бывшие соседи-евреи будут жить и работать поблизости от них: мы ближе к вам, чем к казакам. Если вы будете здесь с нами, все будет так, как у нас в Украине... («Эмес», 17 июля 1928 года, «заметки переселенца»).

быта? Это не было полной выдумкой. Кроме фактов, которые, наверное, были у Альбертона, о которых я не знаю, мне известен ряд случаев, когда неевреи очень хотели ехать в Биробиджан вместе со своими местечковыми знакомыми евреями (рабочими, кустарями). Многие переселенцы, мужчины и женщины, в Биробиджане подружились с казаками, казачками, корейцами и китайцами. Некоторые приехали с нееврейскими женами. Я помню случай, когда в Биробиджан приехала немецкая семья, которая подружилась с семьей переселенцев-евреев.

10. Коллективы

Жаль, что Альбертон показывает нам (в главе «На берегах Байкала») общее переселение со стороны, как бы из боковой улички, как своего рода эпизод. Вот история с волынским крестьянином, у которого пропала лошадь. Из этого эпизода можно узнать всякое, в том числе и о беспомощности индивидуального одинокого переселенца на безграничных сибирских просторах.

Тема заслуживает куда более широкого освещения. Без нее трудно понять первые шаги еврейского переселения в районе Бирофельда и его судьбу. Тогда еще находилось место и для индивидуального переселения. Конечно, стремились коллективизировать переселенцев, но начиная с самых примитивных форм – «обществ для совместной обработки земли» и т. д.

В шестом пункте постановления Бюро дальневосточного крайкома партии от 25-го июня 1928 года «О переселении в Биробиджан» мы читаем:

«Взять курс на немедленное объединение переселенцев в самых простых производственных коллективах: обществах для совместной обработки земли и использования машин, особенно вовлекая в эти общества, коммуны и артели группы молодежи».

Примерно год спустя, 29 апреля 1929 года Бюро крайкома в своей резолюции также о переселении в Биробиджан отмечает в четвертом пункте, что одной из важных причин, которые осложнили работу в первом году, было то, что: «Несмотря на дирек-

тивы Бюро, почти все переселенцы были сразу же организованы в маленькие коллективы, часто потребительского характера, у которых не было базы для производственной кооперации».

А в пункте 9 директив в дальнейшем предлагалось: «...взять курс на объединение всех переселенческих поселений в самые простые колхозы (товарищества обработки земли) вокруг МТС или отрядов и избегать немедленной кооперации скопом всех переселенцев без производственной базы».

Это постановление проливает свет на положение с коллективизацией в то время в Биробиджане, что отражено у Альбертона. Для этого положения характерно стремление к более высоким коллективным формам, часто слишком легкая погоня за артелями и коммунами. Но одновременно тогда в определенной степени ориентировались на крепких крестьян-единоличников.

Недооценка специфических биробиджанских условий, подход к Биробиджану часто с мерками Крыма или Южной Украины, спешка в работе без надлежащей подготовки, нехватка агрономов или кадров, организаторов и небольшой опыт руководящих работников в местных условиях, часто попустительство переселенцам, которые проявляли большее стремление быть в маленьких коллективах среди нескольких знакомых; трудности управления большими коллективами, а ко всему этому – ненормальное лето – без сева, без жатвы, без дорог и т. д. – все это превратило коллективы в общества по совместному проеданию кредитов, совместному сжиганию трупов лошадей, павших от эпизоотии (сжечь их – достать дрова, керосин, найти желающих выполнять такую работу) тоже было проблемой и оставило печальный след в народном творчестве, требовало больших расходов.

О характере коллективов, которые возникли в первое лето переселения в Биробиджан, стоит привести свидетельство агронома Пайкина, который в то время руководил работами в Бирофельдском секторе: какие отрасли хозяйства объединяли эти колхозы и группы? Речь идет о сельскохозяйственных колхозах и все же следует подчеркнуть, что речь не шла о какой-либо одной отрасли сельского хозяйства, которая могла бы стать основой для существова-

вания того или иного коллектива. Там не было полеводства, пчеловодства и каких бы то ни было вспомогательных предприятий.

Что же их объединяло? Пребывание в одной связке, совместная транспортировка дерева для строительства, перевозка грузов и наконец совместная борьба со стихийными бедствиями. Такие факторы были совершенно недостаточны для существования большого коллективного хозяйства. И поэтому, начиная с зимы 1929 г., эти маленькие коллективы и группы распались (а некоторые – еще ранее – *M. K.*) (см. Пайкин. Проблема колективизации в Биробиджане. «Трибуна», 1929, № 22–23, с. 19).

В деревнях вокруг Бирского опытного поля некоторые колхозы и группы продержались немного дольше. Но к весне 1929 года уже десятки колхозов распались. Остальные были объединены в два-три раза большие коллективы. Подавляющее большинство земельных массивов со звучными названиями: Красивый, Лесной, Озерный, Немецкий, Ивановка оставались до последних лет только земельными участками, которые ожидают еще настоящей подготовки к заселению. Только за последние пару лет после образования ЕАО мелиорация, строительство дорог, жилищное строительство и т. д. достигли там значительных успехов (побед) и некоторые массивы были подготовлены к заселению.

Но тогда, летом 1928 года, вместо 4–5 тысяч гектаров земли, отмеченных в первых планах, подняли едва 120 га, вместо сотен тысяч пудов сена – накосили намного меньше. Занимались тем, что возили грузы для ОЗЕТА, возили древесину и продукты для себя, а главное – проедали кредиты.

С того времени сохранился Бирофельдский колхоз, объединивший несколько существовавших ранее. Несколько земельных доль стали за последние годы опять обрабатываться, там организовали колхозы, пригородные хозяйства. Только в 1935 году были там осушены тысячи гектаров земли и в ближайшие годы туда направится большой поток переселенцев. В конце-концов бирофельдские равнинные массивы становятся большим зерновым районом в ЕАО.

На некоторых земельныхолях можно еще встретить остатки

зданий – свидетелей больших ошибок, напрасного труда, трагических, трагикомических и романтических переживаний, связанных с тяжелым трудом, энтузиазмом, упорной борьбой с природой и подлинным товариществом. Альбертон увековечил все это для нас. Совсем этот труд не пропал. Летом рядом с Бомбой (название сопки) на влажных равнинах Бирофельда, в тайге, в борьбе с гнусом, с наводнениями было закалено немало настоящих пионеров. Там перековалось, закалилось и акклиматизировалось немало преданных душой и телом социалистических победителей тайги, вдохновленных энтузиастов социалистического Биробиджана. Немало пионеров Бирофельда можно встретить сейчас в различных точках Биробиджана. Они прошли хорошую школу.

11. Первые сражения

В главах «Мы едем смотреть земельные участки», «У прилукских на «Бомбе» и т. д. Альбертон нам показывает первые битвы с тайгой, с гнусом, первые шаги в борьбе за покорение трудной [для освоения], но многообещающей области.

Альбертон показывает нам приезд ходоков с целью оценки земельных паев не как стихийное блуждание собственными силами или с помощью «хорошего казака» (как это показано у Финка и других), но как более или менее организованный процесс.

Агроном Финкельштейн, которого мы уже ранее упоминали, «водит карандашом, показывает на карте», показывает название и номер земельного участка, первого и второго. На земельных участках находится инструктор, который выступает в роли учителя и наставника для тех, кто нуждается в изучении «азов работы на земле».

Даже не слишком дисциплинированная публика, которая обычно без всякого трепета относится к лошадям, проявляет к Финкельштейну нешуточное уважение: «Ну, ребята, довольно. Не спешиТЕ – нужно беречь лошадей, они должны отдохнуть. Вот уже видно дома Бирского опытного поля. Агроном Финкельштейн увидит, что лошади взмокли, и устроит настоящую взбучку» (111).

Агрономы Финкельштейн и Пайкин, которые тогда работали в секторе Бирофельда, а также товарищи Бейнфест, Бялый, Рашкес, Гохман и другие деятели (упоминает ли их Альбертон по фамилии или нет) в то лето (а также позднее) вложили немало труда и сил. И если тот трудный период не закончился катастрофой, а способствовал закалке кадров советских первопроходцев покорения тайги – в это указанные товарищи внесли свой вклад.

Пионеры Бирофельда должны еще помнить невысокую фигуру Финкельштейна верхом на лошади или пешком на земельных участках, в артелях и коммунах. С утра до вечера (к нему приходили и домой), он обучал, показывал, организовывал. Альбертон дает достаточно близко к действительности описание его и его отношения к переселенцам. Вырисовывается образ немного раздражительного, но по сути – простого хорошего парня, любящего труд, очень преданного социалистическому строительству. Выбрать земельный участок было для переселенцев нелегким делом:

«Ай, ну и дурак этот Финкельштейн. Он верит во все. Он думает, что если даст адрес земельного надела, то его тут же выхватят.

Пусть он подождет. Закрепиться на участке земли – это значит выкорчевывать корни, вывезти их. Нужно хорошо рассчитать. Он должен запомнить, Финкельштейн, что если устанавливается межевой столб – это не значит, что от него уже не оторвать. Но это будет уже свое. На участке нужно будет трудиться, прийти на помощь, взяться за дело и строиться...

А он сидит такой серьезный, водит карандашом и пальцем по карте. Потом он поднимает черные мутноватые глаза и вглядывается в лица. Он смотрит и спрашивает, понятно ли им. Но кажется, что он не видит ответной реакции. У него, представьте себе, курносый, раздвоенный нос. Но он выглядит таким задумчивым, серьезным. И даже когда его кусает комар и шевелит своими крылышками – он уже этого не чувствует. Он смотрит прямо и, наверное, думает, что уже все готово. Пусть он подождет. Он может рассердиться, потому что 813-й участок не нравится. Уже сегодня едут дальше...

Но агроном сегодня сердиться не будет. Ему говорят, что 816-й

отрезок – отличный, что земля – свежая и мягкая, что уже сегодня можно приступать к вспашке. Воды там достаточно, лес – тоже недалеко. Когда некоторые здоровые коллективы возьмутся за него, то уже через короткое время там можно будет хорошо жить. Уже летом там можно начинать строительство.

...Он снова уставился своими честными, мутными глазами и смотрит:

– Ну, езжай же.

– Ай, ну и хохма! Ведь туда нет дороги. Есть такие места, где можно сломать голову в пустой телеге, что же будет с грузом? Привезти продукты нужно? Привезти дрова нужно? Ну, тогда нужно сначала исправить дорогу.

Он смотрит и ждет, пока комар не сядет на нос, а потом бьет себя по лицу и говорит:

– Сделают, обязательно сделают. Все сразу сделать невозможно. Пока нет денег...

И вскоре у него уже другая карта, он проводит карандашом линию и показывает дорогу к новой земельной доле – 813-й...» (114–115).

Не нужно было придумывать хаос, описывая реальные условия работы. При том уровне организованности, который тогда уже был, оставалось достаточно места для личной предприимчивости и смелости, для сюрпризов природы и т. д. Мы видим у Альбертона большие тяготы переселенцев в условиях бездорожья (см. фото 9)¹. Как они тонут в грязи, ютятся во время дождя во времянках, а времянки тоже порой были привилегией – для женщин и слабых; мы видим земельные доли, до которых нельзя добраться; гнус, который мучает, «убивает», мы видим, как мучительно при-

¹ На фото 9 справа вверху: «Знаменитый» паром в Тихонькой на реке Бира – единственное средство передвижения от ст. Тихонькая вглубь района, на юг, к Амуру. На протяжении лета он несколько раз переворачивался. Весной и осенью во время ледохода он вообще не функционировал. Люди мучались, идя по доскам, лежащим на льду, который готов был провалиться, плывя на лодочках и чувствуя при этом, что их ожидает гибель и часто действительно проваливались в прямом смысле этого слова. 7 ноября 1933 года паром «сошел со сцены»: был открыт большой новый мост.

ходится переселенцам поднимать целину и даже запрячь трех лошадей так же трудно, как нести самое нижнее бревно. Альбертон показывает нам также первых вдохновенных энтузиастов Биробиджана — борцов, преодолевавших трудности, он показывает нам образцы разнообразных работ уже в то время: люди пашут, рубят лес, возят дрова, строятся. Он дает нам прекрасное описание дивной природы Биробиджана, которая очаровывает переселенцев среди всех этих трудностей (108—111, 118, 129, 150—156 и др.).

О трудностях на этом земельном наделе и о сравнительно хорошем темпе работ в период июня—июля (тогда, когда там был Альбертон) до больших дождей и наводнений дает представление также следующий отрывок из корреспонденции в «Эмес»:

«На той же дороге, четыре километра оттуда (от деревни Александровка, нынешний Бирофельд — *M. K.*) находится поселок Александровка с прилукской коммуной «Наш путь» и коммуной «Первое мая». Здесь строятся уже везде дома и конюшни и через две недели коммунары и переселенцы будут отдыхать после рабочего дня на поле в собственных домах. Пока что еще живут во времянках.

13. Озерный надел

В 18 километрах от опытного поля по тракту на Михайлово — Семеновск (теперь Блюхерово — *M. K.*), два с половиной километра дороги, через нижнее поле заросшее бурьяном, находятся земли на возвышенности. Вокруг дубовый лес. И через пышный луг, украшенный множеством полевых цветов, начинается соседняя Георгиевская земельная доля. Там селятся одновременно с нами украинские переселенцы, которые в свободную минуту вырываются сюда.

На озерном наделе находятся все наши «восточные» коллективы: «Свет с Востока», «Восточная надежда», «Новый Восток», «Красный Восток» и др. Все они приехали из Смоленска и Ленинграда. Хотя здесь из-за проливных дождей было хуже, чем где бы то ни было (на нижнем поле на протяжении 2,5 км не было

дороги), все коллективы тем не менее смогли привезти древесину и уже скоро две недели как строятся дома и конюшни, потому что лошади очень страдают от оводов и от комаров, и вообще от мошки. Люди защищаются от гнуса масками, которые кооператив подготовил в достаточном количестве.

Даже те, кто прибыл сюда самыми последними, коллективы «Фрайэрд» и «Спайка», располагают уже построенными готовыми дубовыми конюшнями. Другого дерева, кроме дуба и березы, которые растут под носом, здесь нет в наличии. Плохо то, что на весь участок нет ни одного колодца. Воду берут из озера, которое находится в километре от угодий, и хуже то, что в дождливые дни и после них люди как бы оторваны от окружающей среды, потому что даже лошадь без груза идет с трудом 2,5 километра от тракта до угодий. Одна из важнейших задач, которую необходимо выполнить – это построить дорогу в новый поселок.

Вообще можно считать ошибкой то, что при сравнительно слабой подготовке переселенцев разбросали в радиусе 20 километров вокруг Бирофельда. В этом году нужно было бы поселить их компактнее, чтобы лучше обслуживать переселенцев и сэкономить на расходах. Переселенцы бы от этого только выиграли».¹

Не случайно Альбертон из десятков тогдашних коллективов остановился именно на прилукской коммуне и посвятил ей главу. Прилукская коммуна тогда занимала свое важное место.

О прилукской коммуне в первые дни ее существования в Биробиджане осталось описание в корреспонденции в «Эмес» написанный там, на месте, в Тихонькой, в первые горячие дни: «У прилукских. О прилукской коммуне первые комплименты мы слышали уже в Пензе. Пензенские товарищи хвалили их, а потом это подтвердил тов. Баскин в Иркутске.

Они ведут нас к себе. Прибыли они сюда одними из первых пару недель назад. Попали в плохое время: дожди, грязь, мосты снесло, дороги пострадали – нельзя двинуться с места. Перееждали. С большим нетерпением ожидали солнечных дней. Сейчас

¹ Йонас В. «На бирских полях». Датировано: Александровка, 30 июня («Эмес», 17 июля 1928 года.).

уже половина коммуны там, на Бирском опытном поле (предел мечтаний для местных, см. фото 10)¹, сегодня приедут и другие.

Коммуна называется «Наш путь» («Унзер Вег»). Люди говорят на смеси идиша, русского, украинского. Хозяин квартиры, где они остановились, баптист из Пензенской губернии, считает их «хохлами»², которые иногда говорят непонятно.

20 представителей семейств, 8 юношей, 4 девушки. Все крепкие ребята, один в один. Председатель – товарищ Айзман, бывший уполномоченный по национальным меньшинствам в Прилуках. Он вносит большой вклад в организацию коммуны, в руководстве ею и превращение ее в то, чем она стала. В коммуне есть 5 коммунистов, 6 комсомольцев, бывшие чернорабочие, мельники, кожевенные рабочие.

Главная хозяйка – товарищ Циля. Дома она была швеей. Маленькая, низенькая, но ловкая, подвижная, обладает бездной энергии. Ей присуща товарищеская теплота и хозяйствственные способности.

– Я встаю каждый день в 5 часов утра, когда бы ни ложилась спать. Не боюсь никакой работы, вы ведь видите: я пеку хлеб, вот, попробуйте и скажете свое мнение, стираю белье, все, что нужно.

Товарищ Циля улыбается, смеется.

– Вы спрашиваете о том, как я сюда приехала, девушка, представительница семьи? Пусть вас ничего не удивляет.

– Я уже ранее много раз записывалась в Крым, Херсон. Не получалось. Большая семья, а я самая старшая, отца нет, должна была о них думать.

¹ На фото 10 справа вверху: общий вид опытного поля. Слева вверху: «Знаменитый коровник – главное общежитие переселенцев, которое описано Альбертоном в главе «Две коммуны». Справа внизу: инструменты сапожника во времянке. Слева внизу: первые курсанты-трактористы.

² Сравни с мнением жителей Тихонькой о переселенцах у Альбертона: «Странные переселенцы, непохожие на других ходоков. Наверное, хохлы: они плохо говорят по-русски. Но они не настоящие хохлы. Говорят, что они – «хохлацкие евреи» (91).

Товарищ Цилю (см. фото 11) касается все. Она беспокоится, чтобы слишком не подстегивали сибирских лошадей, которые вырываются из упряжи (в степи им было свободнее) и что товарищ Миша сильно похудел (он работает и днем, и ночью); товарищ Лева должен одеть чистую рубашку (уже давно выстиранную и выглаженную). И почему из Хабаровска не привезли дрожжи (она бы испекла печенье, пальчики оближешь) и о вилках забыли, разве мужчины об этом думают? Хорошо, что хоть купили наперсток. А как насчет картофеля?

Миша, нужно поехать к корейцам за мешком картофеля. На посев мы получили в «Бомбе» (деревня Александровка, теперь Бирофельд), но пусть будет на дорогу и на первое время.

О коммуне можно и нужно еще много писать. Один из ее членов, тов. Митновицкий (см. фото 11), молодой рабочий мельницы из Пирятиня, партиец, несет на себе большое бремя всей коммуны. Он – полный хозяин лошадей и одновременно председатель временной комиссии по организации потребительского общества. Уже ездил в Хабаровск, там все выяснил в «Дальсоюзе» и получил на несколько тысяч рублей товара. Ребята выглядят старше своего возраста и более по-крестьянски, чем позволяет их настоящий крестьянский стаж. На них возложено бремя хозяйства, забот и ответственности, чего, к сожалению, не хватает другим. А у всех – нежное чувство товарищества, более сдержанное у юношей и более открыто проявляющееся у девушек. Товарищество не искусственное, слащавое, а простое товарищество – естественное, пролетарское, комсомольское.

– Мы не такие, как другие. Как выехали из дому, такими и остались.

К прилукским приходят, чтобы чему-то научиться. Если они такими сохранятся, то станут примером для Биробиджана¹. Они, как почти все такие коллективы, не сохранились. Некоторые ушли насовсем, а часть осталась в Бирофельде и других колхозах.

¹ Кадышевич М. «В Тихонькой». Датировано: Тихонькая, 27 мая, 1928 года.
«Эмес», 13 июня 1928 года.

Но тогда, летом 1928, «прилукские» сыграли значительную роль, и это мы видим у Альбертона в нескольких его главах у различных героев. Коммунисты и комсомольцы прилукской коммуны позднее были на ответственной партийной, комсомольской, советской, кооперативной и прочей работе в Биробиджане и в Дальневосточном крае за пределами Биробиджана.

Кажется, что некоторые черты Фейги и Цили в главе «У прилукских», а также Любы в главе «Две коммуны» взяты у тов. Цили Шлимович из Прилукской коммуны, на редкость преданной коммунарки и хорошего товарища.

Вот некоторые выдержки из описаний прилукских у Альбертона (см. фото 11)¹:

«Лучше видно дорогу, которую они провели к участку. Ведь она была совсем заросшей. А теперь они сами, своими руками, с собственными лошадьми и телегами превратили ее в «шлях», который и в Украине не часто увидишь. А это что за болотце? – Ничего, они сделают мостик» (130).

Пахать трудно, а комары не дают дышать ни лошадям, ни людям. Хоть бросай всю работу, встань и расчесывай укусы. У Фейги уже распухли руки, шея. Ноги совсем покусаны» (133).

«Нет, Фейга не сдастся, хоть бы ее съели заживо. Может, уже хватит? Уже скоро семь. С пяти утра до семи. Работали 14 часов. Ну, ребята, хватит.

– Нет, так не пойдет. Пока не закончим этот трехугольный участок, Митник не уйдет. Скорее закончить еще небольшую часть работы и выбросить все это совсем из головы.

Митник на кожзаводе, где он работал, тоже никогда не откладывал работу на завтра. Даже если это было уже после 8-часового рабочего дня. Не потому, что он – партиец, а потому что он потом долго не мог быть спокойным. Не елось и не спалось всласть. Работа любит, когда ее заканчивают тщательно. Потом вытирают

¹ На фото 11 вверху, в первом ряду снизу, второй слева – тов. Митновицкий, у Альбертона – Митник. Около него, немного выше – тов. Циля Шлимович. Во втором ряду, четвертый слева – тов. Айзман, председатель коммуны.

косу и – готово. А завтра приходят к станку и снова берутся за работу... И земля, наверное, то же самое...

Ты хочешь, чтобы комары тебя совсем заели?

– Меня они не закусают – комары заедают только «элементы», которые стоят и сердятся. И за каждый укус они готовы расплакаться и расчесывать его до крови. А вот у Митника, когда на него садится комар, он его тихо прихлопнет и все» (133–134). Домой я пошел вместе с Фейгой, «злой» Фейгой. Она отвернулась от меня, чтобы я не видел, какая она заплаканная.

– Вы считаете, наверное, что нужно ехать домой?

– Кто? Я?...

Фейга совсем отвернулась и начала шагать быстрее. Мы оба в молчании отнесли вещи в палатку. Только тогда она подняла ко мне свое лицо, заплаканное, криво улыбнулась и взяла меня за руку.

– Я попрошу вас пойти со мной.

Я хотела вам кое-что показать.

«...Вот что она мне хотела показать: вот две десятины, которые они арендуют у крестьянина, уже обработанные, ну, они там посеяли овощи. Давайте присмотримся: вот этот весь кусок заражен картофелем, а там – баклажаны. Посреди – свекла. А вот тот кусочек они пропустили. Соседка пообещала дать рассаду на капусту. Вообще они хотят посадить овощи, как на украинском огороде, и посмотреть что получится. Даже табак для парней они посадят, если получат рассаду. Не говоря уже о луке, чесноке, редьке – ведь это еврейские блюда.

Серьезно, каждый раз, когда она, Фейга, проходит мимо, ей кажется, что прорезывается и растет вместе с ней [зелень]. Это, может быть, сентиментально, но сердце ее радуется, когда она смотрит на две десятины засеянной земли. Ее уже и клещами не оторвать. Ведь земля уже стоит ей крови. Ведь на ней уже поработали, потрудились. Как же это оставить и уехать? Куда? Зачем? Вы должны меня простить, но вы сказали большую, большую глупость» [135–136].

Вы видите, что здесь проявляется большая любовь и привязанность, которую лучшие из переселенцев, как того времени,

так и позднее – в Бирофельде, Валдгейме, Амурзете и т. д. испытывали к коллективному социалистическому труду в своем новом доме. И в главе «Прилукские» и в других можно было привести много документов, выдержек из прессы, которые лишний раз подтвердили, что в «Биробиджане» Альбертона содержится в основном верно и интересно переданная реальность, притом в художественной форме. Но здесь не место [для рассуждений] об этом...

Я считаю, что в образе Нохема Кривоозерского Альбертон воплотил некоторые характерные черты Бирофельского пионера тов. Палатника, переселенца именно из тех мест, из Первомайска. В образе Нохема Альбертон показывает, как богатства природы Биробиджана захватывают часть переселенцев уже в первые дни и пробуждают у них огромное желание действительно как можно скорее овладеть ими на благо всего советского государства, сделать из Биробиджана то, «что мир еще не видел, перевезти сегодня больше половины Кривоозера» и т. д. В образе Йосла Терновкера (118–119) мы видим ростки сознательного подхода к интересам советского государства, для которого «нужно заработать рубль» и т. д.

«Сейчас уже вранью о Биробиджане никто не поверит, от этого будет польза, как от холодных припарок. Кто-кто, а Нохем из Кривоозера знает в этом толк. Здесь в Биробиджане такие богатства, что все «большие козлы» понятия о них не имеют. Если ему позволят, то он сделает из лесов Биробиджана то, что мир еще не видел. Как раз в лесе он хорошо понимает. Недаром он работает с деревом больше 22 лет. Вот этот большой палец он потерял на пилораме. Народ побежал бы в Биробиджан как за чудом. И если дать Нохему немного денег, то он перевезет уже сегодня больше половины Кривоозера. Он бы привез самых лучших ремесленников и самую здоровую молодежь, и они бы так взялись за Биробиджан, что дым повалил бы (116–117).

«По мнению Нохема Кривоозерского, Биробиджан – это такие настоящая стройка» [119]. Было и есть немало таких горячих патриотов Биробиджана, которые мечтают поскорее использовать те или иные его богатства, кто не оставляет спокойно лежать скро-

вища, а хотят их использовать и могли бы сделать богатыми и край, и Биробиджан и принести большую пользу нашему социалистическому строительству вообще...

Такими были первые ребята, кустари-мебельщики из Малина (Киевская область), которые прибыли в Биробиджан в конце 1929 года и были увлечены, как и Нохем Кривоозерский, лесами Биробиджана и постановили здесь вскоре построить фабрику по производству стульев, привезли из Малина целую артель из 30 человек «Выгода» и 1 мая 1930 года открыли в Тихонькой, теперь г. Биробиджан, первую фабрику, фабрику по производству стульев «Биробиджан», кажется, первую такую фабрику на Дальнем Востоке. Теперь на ней работает около 200 человек, и она поставляет товар, кроме Биробиджана, также для края, а иногда еще дальше.

Таким стал старый кузнец из Терновки (бывший Уманский округ) Шике Розенберг, ударник артели «Колесо революции» в г. Биробиджане, пионер 1929 года, который привез в Биробиджан несколько десятков родственников и знакомых.

Таким является пионер 1928 года Черноброд, инициатор использования лесных плодов, которых в лесах каждый год созревает миллионы пудов¹. Он вложил немало труда, чтобы пробить бюрократические барьеры и в 1933 году все же произвел (в артели «Химхозпродукт» в г. Биробиджане) первые несколько тонн варенья и вина из биробиджанского дикого винограда, кишмиша (актинидии) и т. д. – заявка на будущие, более крупные предприятия.

Один из них также тов. Резник, садовод из Валдгейма, который за 5 лет упорного самоотверженного труда вырастил большой сад, где на нескольких гектарах росли сливы, малина и т. д., который применил мичуринские методы и недавно получил премию в размере 1000 рублей от облисполкома ЕАО. Облисполком также постановил создать условия для укрепления и развития его трудовой деятельности. В образе партийца Митника, который не отступит перед комарами, пока не закончит вспашку намеченного участка поля, я узнаю члена прилукской коммуны тов. Митно-

вицкого, бывшего рабочего мельницы в Пирятине, партийца, позднее председателя первого Бирофельдского потребсоюза и кредитного общества. Он был послан на курсы организаторов колхозов в Омск, а теперь он директор Биробиджанской областной сельскохозяйственной опытной станции. Я узнаю его язык и манеру говорить. Немало переселенцев сильно выросли в Биробиджане. Один из них — тов. Меня Виленский, тоже из «прилукских», комсомолец, пекарь. Он перенес самые тяжелые времена, стал в Биробиджане трактористом, механиком, партийцем, организатором и сейчас стал директором электростанции в городе Биробиджан и членом горкома ВКП(б).

Куперман у Альбертона, который, очевидно, является тов. Айзманом, был колоритной фигурой, способным, с большой энергией и большими недостатками. Он был рабочим (столяром) в Польше, уехал в Палестину, потом в Америку и т. д., стал коммунистом, приехал в Советский Союз, был уполномоченным по нацменьшинствам в Прилухах (Украина), вскоре после начала переселения уехал в Биробиджан с большой коммуной, где были самые разные люди, а к зиме привез еще группу, которая влилась в коммуну. В 1929 году коммуна распалась, но в свое время она сыграла большую роль. Тов. Айзман был первым председателем первого еврейского бирофельдского сельсовета (короткое время), затем он работал в Амурзете, Хабаровске, учился в Омске, стал лектором по вопросам политэкономии.

Да, комаров Альбертон вспоминал не случайно, и его описания запоминаются. Комары тогда, особенно в дождливое лето 1928 года (на знаменитом своим гнусом 22-м километре и в других местах), доставили безграничные страдания первым поселенцам. История с марлей на масках, которая немного запоздала поступить, тоже была примерно такой, как ее описывает Альбертон.

Посреди всех этих многочисленных «неудобств» Альбертон не забывает дать меню ужина у прилукских. Пока наводнение не нарушило пути сообщения, люди в подавляющем большинстве

¹ См. статью «Плодовые растения в ЕАО» в настоящем номере журнала. Прим. М. Кадышевича.

питались неплохо. У лазаревских казаков был рис, были свиньи, был мед и другое добро. И первые переселенцы обычно этим пользовались.

Часть II Висншафт ун революции, № (7) 3, 1935**12. Первые на Амуре***A). Смелый шаг.*

История с рисовыми плантациями, как тогда называли рисовые поля, является одной из самых интересных глав в истории периода первопроходцев в Биробиджане.

Смелый внеплановый шаг, который, однако, в конечном счете блестяще себя оправдал. Началось это так.

Сначала, еще зимой, как мы уже упоминали, собирались первых переселенцев отправить на приамурскую полосу, потому что там — сущее, населенное, есть много свободной земли. Некоторые села (Пузино, Екатерино-Никольск, Доброе, Венцелево, Кукелево, Головино и другие) имели от 70 га до 200—300 и даже 400 га на двор, однако посевная площадь составляла в среднем 5—6 га на двор. Переселенцы до революции сюда не добирались, потому что там существовала казачья привилегия, запретная зона, так называемая «полоса генерала Духовского».¹

Об этой полосе речь шла еще в Государственной Думе, требовали открыть ее для переселенцев. Только накануне империалистической войны, в 1913 году, отменили эту привилегию.

Позднее все же отказались от этого первоначального плана. Землеустройство старожилов-казаков должно было быть первоочередной задачей. Не существовало земельных фондов, выделенных по закону, и опять же не было известно, как будут казаки воспринимать переселенцев. Ведь один из участников экспеди-

¹ Полоса земли на границе шириной в 50 км и более, которую в 1894 году Приамурский генерал-губернатор Духовский «обрезал» в пользу казаков. В 1913 году эта полоса земли перешла к государству («в казну») для целей переселенческой работы. На II съезде Амурского казаческого войска, который состоялся в Благовещенске 3—5 мая (по новому стилю) 1917 года, часть делегатов потребовала восстановить границы казачьей земли по линии генерала Духовского. См. А. Шурыгин, С. Цыпкин. Испартотдел Дальневосточного крайкома ВКП(б), С. Булыгин. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Дальиз, Москва-Хабаровск, 1933, с. 6.

ции КОМЗЕТа, экономист Батуринский, сильно испугался антисемитизма казаков. Поэтому план изменили и постановили в первый год поселить переселенцев вокруг Бирского опытного поля. Но в конце мая произошло неожиданное изменение.

КОМЗЕТ узнал о рисовой плантации им. 10-летия Октябрьской революции, которую Амурский (Благовещенский) окружной исполнительный комитет начал обустраивать в конце 1927 года в амурской полосе Биробиджана, у реки Самары, 20 км к северо-востоку от Екатерино-Никольска. Рассчитывали, что еще в том же году будет закончена система водоснабжения в 1929 году, там поселятся на определенных началах корейцы (специалисты по рису), образуя несколько поселений. Тогда в крае на рис возлагались большие надежды и [этой культуре] уделялось внимание. Была построена большая ирригационная система на озере Ханка (около Владивостока). Рис приносит большие доходы, строительство на Самарке уже идет, есть определенное оборудование, краевой трест «Дальрис» готов взяться за строительство и форсировать его, привезти туда экскаваторы для механизации рыхления канав и т. д. – сегодня как с этим обойтись?

И вот 29 мая 1928 года вышло решение Президиума крайисполкома: «Строительство рисовых плантаций передать КОМЗЕТу».

Я вспоминаю собрание 31 мая в Тихонькой под открытым небом. Дождь прекратился, готовятся к выезду наконец-то на земельные наделы и вдруг новость: рисовые плантации на Амуре! Предлагают послать туда ходоков. Если им понравится, часть ходоков поедет туда. Это разбило, смешало мысли. Разнеслись слухи: здесь нет земли, поэтому посыпают в Екатерино-Никольск.

Говорили о том, что это уже не Биробиджан, а что это даже на Сахалине...¹

Часть переселенцев не хотела думать о том, чтобы переби-

¹ См. у Альбертона на с. 113:

« – Ша, а если те приедут с «Сахалина» и привезут хорошие новости о рисе? (В первые дни распространялись слухи, что едут на «Сахалин» на рис)».

Также и в корреспонденциях в «Эмес» о собрании 31 мая.

« – Почему нас сначала привезли в Биробиджан, а потом – в Екатерино-Никольск?... – «Как далеко это от Биробиджана?» (М. Кадышевич. «Письма из Биробиджана. В экспедицию за рисом». «Эмес», 21 июня 1928 года).

раться еще дальше. Но часть постановила послать ходоков и посмотреть — ведь говорили, что рисовые поля имеют много достоинств — и пока оставались сидеть в Тихонькой. А другие послали ходоков и одновременно отправились посмотреть на земельные наделы вокруг Бирского опытного поля.

Мне в начале июня пришлось ехать с первыми ходоками (более 30 человек) на Амур вместе с Баскиным (у Альбертона — Малкиным), который еще полтора года после описываемых событий руководил там работой как уполномоченный КОМЗЕТА и ОЗЕТА.

Путешествие с «ходоками за рисом» было очень интересным. Компания ходоков чувствовала себя бодро, живо. Они рыскали по всему кораблю, перезнакомились со всеми пассажирами, местными жителями, интересовались любой мелочью. Тов. Баскин здесь же на корабле сочинил песенку в честь Биробиджана (большим поэтом он не был). Он сам к ней приспособил мелодию (смесь еврейской народной песни «Когда я тебя позвал, ты не захотела», украинского народного танца, субботних песнопений «эмирес» и молитв, которые читают в преддверии Судного дня...) и у себя в каюте разучивал вместе с молодыми переселенцами:

«На твои поля, в твои леса
Мы пришли строить новую жизнь.
Биробиджан, Биробиджан, вот мы уже здесь!
Мы пришли к тебе, на твои вольные поля,
Работать на них, бескрайних, с желанием и преданной любовью.
Биробиджан, Биробиджан...»¹

Части ходоков понравился новый район сразу же, в первую очередь райцентр Екатерино-Никольск: высокий сухой берег Амура, большая станица на 400 дворов, красивые ровные улицы, большие дома, крытые гофрированным железом (наследие Владивостокского порто-франко), со множеством окон, нередко с покрашенными кирпичными стенами (краску-охру берут недалеко от сопки (см. фото 12).

¹ М. Кадышевич. «Письма из Биробиджана. Биробиджанская среда. Хабаровск, 19 июня 1928 года», «Эмес», 11 июня 1928 года.

Но не слишком понравилась работа на рытье канав.

Я вспоминаю собрание ходоков у Карташовского борда 5 июня утром, после того, как переночевали в бараках. Там, у реки Самарки, построили дамбу для орошения. Существовали сомнения, и люди не были уверены, не закончится ли ничем попытка поселить евреев на Амуре. Определиться в этом вопросе помогла группа переселенцев из Одессы и других мест, которая за день до этого пошла пешком из Екатерино-Никольска к Карташову борду, отделилась от остальных, заблудилась и попала в село Самару, где им очень понравилось. Переселенцев пленила жизнь старожилов, у которых были «все блага», покорило их гостеприимство. В селе чувствовалась нехватка людей, особенно ремесленников, и была возможность «хорошо прожить». И вместо того, чтобы снова обругать ОЗЕТ, что они рассчитывали сделать, когда были уставшими и голодными во время своих блужданий – эти переселенцы стали горячо агитировать за то, чтобы здесь остаться. Здесь, на месте, на бревнах, около бараков, большинство ходоков подписало письмо-декларацию к тем, кто прислал их сюда, и сообщили о том, что они испытали и увидели, сообщили о своих выводах, посоветовали немедленно приехать сюда.

Вот передо мной лежит оригинал письма. Маленькие, уже слегка выцветшие листочки из блокнота, написанные карандашом на колодах рядом с Карташовским бордом. 27 подписей на разных языках и разным почерком. Некоторые уже трудно разобрать (см. фото 13).

Декларация отражает в определенной мере настроения, надежды и представления о видах на будущее у переселенцев того времени. Здесь мы приводим ее в сокращении. Она написана в праздничном тоне и с известным пафосом¹. Кое-что в ней выглядит легче и светлее, чем оказалось впоследствии:

«Дорогие товарищи!

Задача, которую вы поставили нам, Вашим посланцам – ходокам, мы постарались выполнить по возможности полностью и сообщаем Вам следующее:

¹ В оригинале «мелице» – особый напыщенный стиль в традиционной еврейской литературе и переписке.

1) В Екатерино-Никольское мы прибыли в воскресенье 3 июля в 10 утра. На пристани нас встретил управляющий рисовой плантацией Амурского окружного исполкома агроном тов. Чернышов и председатель райисполкома тов. Нестеренко. Нам срочно передали школу в качестве квартиры, а в воскресенье и на Троицу председатель райисполкома приказал открыть кооператив и продать нам продукты».

Затем следует описание села и его учреждений, рисовых плантаций и работы, которая там сейчас проводятся, области с ее богатствами и перспективами для переселенцев, о хорошей жизни местного населения и т. д. Далее, в пункте 3 мы читаем:

«Окружающие села страшно нуждаются в любых ремесленниках. У них здесь будет работы выше головы. Спокойствие и безопасность на дорогах и в селах здесь необыкновенные. Дома, конюшни, магазины ночью не закрываются. Лошадей и коров кормят пастухи. Телеги, упряжь, плуги и другой сельхозинвентарь оставляют на поле и никто его не трогает. Некоторые семьи живут за десятки верст от поселка на зaimках, на пасеках в горах Хингана – и никто их не трогает.

2) В понедельник 4-го июня мы ночевали у Карташовского брода, мы ночевали у начальника обводного канала.

Во вторник 5-го июля в 6 часов утра у нас было общее собрание. Тов. Баскин, представитель КОМЗЕТа и ОЗЕТа сообщили нам, что мы можем вскоре получить участки, кроме рисовых полей, также для зерновых культур, луга и т. д.

Здесь уже намечен план для строительства 7 поселков в общей сложности на 600 дворов в 10 верстах от Екатерино-Никольска между рисовой плантацией и хлебными полями. Поселки намечено построить в форме полукруга недалеко друг от друга, на линии в 4 версты от первого до последнего поселка, так что фактически они образуют одно большое mestечко. До осени рассчитывали построить первые 25 домов, кроме теплых бараков, и сразу же привезти туда часть семей.

Пока же мы обеспечены работой на 5–6 месяцев на канале, на строительстве, позднее – на лесозаготовках. Здесь уже есть 4

трактора «Фордзон». Скоро привезут еще, а также экскаватор-машину, которая копает канавы. Работа на канале — сухая, но нам дают «ичиги», т. е. такие полуторные сапоги. Продуктами и другими вещами мы полностью обеспечены.

3) Последняя строка: мы решили здесь остаться, срочно приступить к работе и посоветовать вам немедленно выехать сюда. Мы избрали 5 делегатов, которые вам подробно обо всем расскажут.

Мы уверены, что здесь можно хорошо жить. Кто сюда не приедет, потом будет жалеть. Перспективы здесь, по нашему мнению, лучшие, чем в Бирофельде.

С товарищескими приветами

*Ходоки — представители 22 коллективов, 230 человек,
Карташовский брод, вторник 5 июня 1928 года».¹*

Планы и надежды на хорошую жизнь на рисовых плантациях Альбертон отразил в пафосных строках письма Мейлеха в главе «Письмо» (210–212). О впечатлении, которое произвело это письмо за пределами Биробиджана, свидетельствует стихотворение, названное «5-ое июня», которым поэт Галкин откликнулся на эту декларацию.

Б) Тоже нелегкий кусок.

Мы отправили нескольких товарищей в Тихонькую, чтобы передать письмо и живой привет, а сами решили поскорее приступить к работе — копать канал около «трех балаганов» (см. фото 14). В этом особенно проявилось большое доверие к советской власти, руководителям переселения, когда вчерашние литинские, винницкие, уманские, знаменские и терновские переселенцы так легко постановили поселиться на новой земле, в неизвестной среде, на Амуре, напротив Китая. Даже в сравнении с Тихонькой это выглядело как край света: там — железная дорога, 5-6 часов езды до Хабаровска, здесь — триста километров до железной дороги в Тихонькой или 200 километров до Облучья. Летом по этой дороге не проедешь. Надо ехать до Тихонькой через Хабаровск,

¹ Под текстом письма 27 подписей ходоков с названиями коллективов и исходными [географическими] пунктами («Эмес», № 141, 20 июня 1928 года).

более 400 км по Амуру (1,5 суток). Правда, в Екатерино-Никольском была почта, телеграф (для переселенцев очень важное учреждение), больница (хоть и без врача), большая русская школа и клуб (там первые переселенцы и ночевали). На канале были только «три балагана», увековеченные Альбертоном сооружения, построенные каким-то атаманом.

10-го июня на собрании в Тихонькой 150 человек (с ходоками, которые уже там были – 180) призвали ехать на рисовые плантации, работать сначала рабочими на рытье канав, а позднее получить там земельные участки, основать колхозы, посеять рис и пшеницу и зажить не хуже, чем казаки. Оказалось, что там не нужно тянуться, как здесь, на 60 км до опытного поля и еще кто знает, сколько до земельного отрезка и что сразу была определенная работа с определенным заработком: пообещали 3 руб./день. Отъезд на рисовые плантации уменьшил столпотворение в Тихонькой – Бирофельде, облегчил, особенно позднее во время наводнения и других бедствий, обслуживание переселенцев пищей и т. д.

Но одновременно это разрекли заселенность наделов, колхозов. Вместо 600 человек осталось только 400. Поэтому еще более острой оказалась неуместная разбросанность в маленьких группках в радиусе до 20–25 км вокруг Бирского опытного поля, в грязи, без дорог, без мостиков, без хозяйственной базы. Рисовые поля имели тоже свои слабые стороны. Прежде всего оторванность от Хабаровска и от Тихонькой – двух баз переселения. Получить что-то оттуда было нелегко. Сначала получить, а потом отправить и из Хабаровска на корабле, который ходил нерегулярно, раз в несколько дней, в то время как в Тихоньку из Хабаровска поезда ходили несколько раз в день. Кроме того – Тихонькая была под рукой, там тоже было достаточно проблем, которые поглощали основное внимание руководства переселением, так что Екатерино-Никольск часто оказывался на втором месте. Контора ОЗЕТа и склады с товарами находились в Екатерино-Никольском (где была пристань на Амуре) в 20 км от плантаций. Хотя 20 км до трех балаганов – не 60–90 км (Тихонькая –

Опытное поле – Лазаревское), но здесь были настоящие дороги, хотя и с ними приходилось всего натерпеться. Об этом частично пишет Альбертон (с. 182–187).

Строительство оросительной системы (до того, как перешло к КОМЗЕТу и позднее) шло очень медленно, совсем не так, как рассчитывали, и протянулось до 1930–1931 года, когда уже почти не работали переселенцы-евреи. Рисовые поля пережили разнообразные метаморфозы, меняли не один раз хозяев, а в 1930–1931 годах их передали Сталинфельдскому зерносовхозу. Тогда, летом 1928 года, землеустройство, которое было в руках нескольких учреждений (уровня края или округа в Хабаровске и Благовещенске), планирование того, где строить поселки, не двигалось с места, все делалось через пень-колоду и вообще было «несмешно». Не хватало инвентаря для рытья, дерева для стройки, специалистов и еще многоного. Шли дожди, люди валялись в бывших «балаганах» и в палатках. Переселенцы не были большими спецами по рытью канав, они не могли сравниться с корейцами. Мешал дождь, поэтому заработка был небольшим. Большинству переселенцев нечего было посыпать домой и не было кредитов. Проесть их тоже нельзя было: без земельного участка получить кредиты было невозможно.

И переселенцы принимались все больше требовать земельный участок, собственное хозяйство. Сюда приехали не за тем, чтобы копать канавы, это можно было делать и дома. Если нет – бросаем работу и едем домой или в Хабаровск, работы на Дальнем Востоке хватает... И другие действительно уехали.

Правда, рисовая группа не знала никаких наводнений, сибирской язвы. Здесь часто получали продукты у местных. Очень часто получали конкретную помощь от пограничных застав. Но здесь даже не начинали делить участки, не было надежды на строительство собственного дома, на то, чтобы забрать сюда жену и детей – все то, что в большей степени поддерживало в тяжелые времена переселенцев в Бирофельде. Если там, в Бирофельде, во время наводнения были моменты, когда казалось, что все поднимутся и пойдут прочь, не сказав на прощанье «Будьте здоровы»,

догоняя поезд в Тихонькой, то здесь люди вообще чувствовали, что висят в воздухе, что они не связаны с новой родиной.

Это прекрасно чувствовал руководитель тов. Баскин (Малкин). И если эта группа все же потеряла в своем составе не более, чем бирофельдская (примерно половину) и стала основным ядром самого красивого и одного из самых перспективных еврейских колхозов в Биробиджане и первого еврейского поселения на Амуре, этому мы в большей степени обязаны тов. Баскину.

B) Первые трудности.

В своем первом информационном письме КОМЗЕТу при Дальневосточном краевом исполнкоме и Биробиджанскому представительству при центральном правлении ОЗЕТА в Хабаровске (на 10 июля 1928 года) товарищ Баскин пишет о первой работе на рисовых плантациях, о первых трудностях, первом оттоке и т. д.: «17-го июня я вместе со 152 переселенцами (кроме 30 ходоков, которые там были уже раньше – М. К.), прибыл в Екатерино-Никольское. Местные партийные и советские органы в соответствии с моей депешей подготовили для переселенцев здания клуба и школы. Благодаря принятым мерам переселенцам удалось получить хлеб и продукты». Из письма видно, что прямо с первого дня начались трудности. Несмотря на обещания, руководство строительством рисовых плантаций не подготовило переселенцам никаких квартир. Палатки Хабаровская контора ОЗЕТА не смогла вовремя прислать. Лошади и телеги задержались в пути дольше, чем ожидалось. Начались дожди. У переселенцев возникло подозрение, что их привезли сюда только как чернорабочих для постройки оросительной системы, а о том, чтобы они получили участки и вели хозяйство, даже и не думают.¹ Местный врач (из больницы в Екатерино-Никольском), дочь бывшего помещика, «подлила масла в огонь». Она распространяла среди переселенцев ложные слухи о том, что 60% местного населения болеет туберкулезом. Несмотря на обещания строительной администрации,

¹ О сильном стремлении к «участку», собственному хозяйству рассказывают корреспонденции в «Эмес» от 3 июля и 13 сентября 1928 года.

наблюдалась большая нехватка лопат, тачек, ведер, досок и сапог. Спустя 10 дней после приезда пришлось устраивать всех переселенцев в 10 бараках и 5 палатах. Но этого было мало. Вскоре начался отток. Первой уехала киевская группа из коллектива «Найер лебн» («Новая жизнь»), где председателем был Орловский, у Альбертона это был вероятно «Зхарья, киевский поэт». В отчете тов. Баскина отмечается, что группа состояла из деморализованных элементов, которые и по дороге, и позднее в Тихонькой устраивали драки, угрожали ножами, терроризировали переселенцев и т. д. 4 июля прибыли лошади – в плохом состоянии, не хватало телег и упряжи (чтобы не тащить лошадей с базы в Тихоньку по железной дороге в Хабаровск, а оттуда на корабле, их гнали 280 километров от Тихонькой до Екатерино-Никольска и по дороге плохо с ними обращались).

Тов. Баскин сообщает, что он принял меры, чтобы переселенцы зарабатывали, копая канал, не менее 2 руб. в день (тогда это был неплохой заработок).¹ 5-го июля там было организовано потребительское общество и касса взаимопомощи. Медицинскую помощь переселенцам какое-то время оказывала, кроме Екатерино-Никольской больницы, доктор Анжелика Рор, а также корреспондентка «Огонька» и др. Организовались комсомольская ячейка, красный уголок. К 7 июля на рисовых плантациях работало примерно 150 человек, объединенных в 25 коллективов, хотя еще без земельных участков. В отчете говорится о трудностях в поставках хлеба и т. д. Хлеб обычно пекли в селе Самара за несколько километров от плантации на другой стороне реки Самара, а река несколько раз разливалась, и это описано у Альбертона.

Уже в этом первом отчете (на 15 печатных страницах), который заслуживает, как важный документ, публикации в полном виде, тов. Баскин ставит энергично большое количество очень важных животрепещущих вопросов, давая одновременно практические предложения для их решения: о землеустройстве, о

¹ См. статью житомирских экскурсантов. «Эмес», 18 сентября 1928 года.

строительстве дорог и домов, сенокосяе, заготовке древесины на зиму (очень важный вопрос, который и там, в приамурском степном районе, и в столице Биробиджане часто и позднее, спустя несколько лет, не решался вовремя и выпускался из виду, что приводило к значительным «неудобствам»), о строительстве оросительной сети, о кадрах и механизации, о вспашке целины и о тракторах, о финансовых вопросах и о топливе, о типе домов для переселенцев и о живом и «мертвом» инвентаре, о моторных лодках и о форсировании строительства амурского комбината, который тогда проектировали и который должен был состоять из мельницы, маслозавода и завода по очистке риса. Тов. Баскин показывает тем самым большое значение такого комбината и для переселенцев, и для старожилов, его воздействие на интенсификацию сельского хозяйства и прочее. Он остро ставит вопрос о мелиорации и о границах района в соответствии с перспективами индустриализации, залежами графита вокруг Екатерино-Никольска и т. д.; о пристани на Амуре и о телефоне между Екатерино-Никольском и плантацией («хотя бы полевой телефон»), о пожарной команде и о бухгалтере, об агенте по переселению и о кредитном обществе, чтобы отрегулировать процесс заселения; об амбулатории на канале и сапожной артели; о фельдшерах и строителях, а также о том, чтобы по желанию переселенцев приехали хоть несколько семей, чтобы поднять настроение, закрепить их и т. д.

Тов. Баскин не только требовал, он немало сделал и сам на месте, в окрестных селах, посыпал кое-что купить в Благовещенске и т. д., заботился о подготовке кадров на месте.

15. Чего нет у Альбертона

Мы уже говорили, что книга Альбертона остается важным документом, значение которого в развитии Биробиджана будет все более возрастать. Но нельзя обойти некоторые важные ошибки в книге.

A). Слабая связь с окружением.

В книге Альбертона «Биробиджан» есть одна основная ошибка, которая, к сожалению, есть и в других книгах и брошюрах о Биробиджане. В некоторых других – в еще большей степени. Это – оторванность или в лучшем случае – очень слабая связь с окружением – жизнью, экономикой и социалистическим строительством всего Советского Союза, а особенно – Дальневосточного края. Это – слабое знакомство с «нееврейским» Биробиджаном, с его недавним прошлым и настоящим и часто поверхностная и не всегда правильная оценка даже в действительности биробиджанских переселенцев. Неумение заглянуть глубже, изучить затронутые проблемы приводит к нежелательным результатам. Это мешает правильно понять и оценить процессы в «еврейском» Биробиджане, получить верную картину, не указывает на причины различных явлений, не дает правильного анализа и не указывает верных путей дальнейшего продвижения. У некоторых авторов, которые оперируют вообще случайными сомнительными материалами, мы находим в связи с этим совершенно ложные выводы, а иногда просто дикие скандальные утверждения – вредные анекдотические мнимые факты и бесконечные неточности, неверные сообщения, цифры и т. д.

Нужно сказать, что благодаря тому, что Альбертон (мы на это уже указывали ранее) не взял на себя обязанности судьи по отношению к первым месяцам работы в Биробиджане и вообще не формулировал никаких конкретных выводов, он вышел из этой недостаточной ориентированности с меньшими потерями, чем другие авторы! Но это навредило и ему.

Попробуйте, например, сравнить несколько схожих книг о путешествиях и художественные описания некоторых краев, областей и т. д. в советской русской литературе. Не говоря уже о Мариэтте Шагинян: Можно найти множество важных и ценных сведений (исторических, географических, природоведческих, политических, социально-экономических) у таких писателей, как Мария Шкапская, Зинаида Рихтер, Лариса Рейснер, Павленко, Никулин и многие другие. Они часто передают профиль, характеристику, картину района, края или области ярче, острее и яснее, чем другие специальные сухие научные или полунаучные сочинения. И все же произведения [этих литераторов] не превращаются в профессиональные диссертации: они остаются полноценными в художественном отношении. Это вопрос чувства меры, политического и художественного чутья и бесспорно — таланта. Естественно, не каждый автор в состоянии отпра-виться изучать месяцами и годами край, который в той или иной степени затрагивает в своих произведениях. Не для каждого произведения в той же мере обязательно нужно это проделать, и не каждый на это способен. Но для каждой работы такого рода существует минимум подобных сведений и знакомство с окружающей средой, без чего произведение должно страдать, потерять свою ценность. И такой потери не избежал и Альбертон.

Понимает ли это сейчас Альбертон? В 1931 году он мне как-то сказал:

— Сейчас я бы свою книгу о Биробиджане написал по-другому: я бы заглянул в труды Ленина и Сталина, в том Маркса-Энгельса, посмотрел, что они писали о колонизации, я бы больше интересовался краем... Книга «Биробиджан» тогда, без сомнения, выиграла бы. Вот несколько примеров.

Б). Еврейское и общее переселение.

Еврейское переселение в Биробиджан. Переселенцы — евреи работают, борются, страдают, остаются, уезжают. По книге еще можно судить о характере страны, о достоинствах и недостатках евреев как переселенцев, об аппарате ОЗЕТа, который их обслу-

живает. Но вы ничего не узнаете о большой государственной проблеме, которая называется «переселение», а центральной осью ее является переселение на Дальний Восток. Вы ничего не знаете об огромном потоке переселенцев-неевреев, десятки и сотни тысяч которых едут на Дальний Восток. Вы не будете иметь никакого представления, о том, что еврейское переселение является частью, пусть и своеобразной частью этого переселения и укладывается по сути в рамки его условий, законов, норм, его руководящего и обслуживающего аппарата (Наркомзема, Комитета по переселению, органов по переселению в крае и районе). Когда вы заканчиваете читать книгу, вы остаетесь в неведении о тысячах переселенцев-неевреев, которые вернулись домой, о причинах этого и о том, с помощью каких средств избежать [отъезда].

Альбертону не нужно было это особенно долго искать и изучать. Об этом ему рассказывали документы, которые были на руках у переселенцев, на пунктах переселения по всему 8-тысячекилометровому маршруту, переселенцы-неевреи на переселенческом пункте в Тихонькой (которые только упоминаются), а лучше всего об этом рассказывают те немногие старые переселенцы, которые сами остались в Бирофельде (Александровке) и вокруг него, на живописной сопке «Бомба», которую он описал. Многие существенные акценты сместились бы, если бы мы узнали из книги, что при царизме в 1910–1915 годах здесь поселилось более 400 семей переселенцев, украинских и других, которые создали десятки поселений, которые даже образовали целую Ульдурскую волость. Большой дом бывшего волостного правления, позднее здание Бирофельдского еврейского сельсовета и еврейской школы Альбертон, когда он был «у прилукских на «Бомбе», конечно же, видел. Было бы интересно узнать, что из 400 семей к 1916 году осталось примерно 40%, а к 1925 году – немного более 10%, о причинах этого и о том, что те немногие, кто остался, живут как раз совсем неплохо. Евреи-переселенцы ведь с этими нееврейскими переселенцами встречались даже чаще, чем с лазаревскими казаками, правда, они были менее экзотичными... Еврейские переселенцы поселились ведь совсем

рядом с нееврейскими, частично даже вместе с ними: в Александровске, Алексеевке, Биришке, Димитровке (Немецкий надел), Михайло-Архангельске. Было бы нeliшним упомянуть большой приток свежих нееврейских переселенцев в Биробиджан в 1926–1928 годах, с которыми Альбертон близко познакомился.

Возможно, Альбертон боялся затронуть этот вопрос, чтобы не истолковали его как вообще непригодность района к заселению: видите, даже крестьяне-неевреи разбежались. Но это – ложные опасения. Ведь эти факты исчерпывающе описаны в отчетах экспедиции КОМЗЕТА, в прессе, обсуждались на собраниях. Это было принято во внимание перед началом еврейского переселения, при разработке его форм и методов и таким образом стало возможным избежать немало ошибок старой системы колонизации.

Даже в центральной печати за 1928 год общего содержания, не говоря уже об экономической и другой специальной литературе, были опубликованы важные статьи о переселении на Дальний Восток, которые помогают понять биробиджанскую проблему.

B). Биробиджан как часть советского Дальнего Востока.

Биробиджан находится прямо у ворот Хабаровска – столицы и центра огромного Дальневосточного края – который уже тогда, еще накануне победной социалистической первой пятилетки, принял спешно сбрасывать с себя наследие, которое оставило хозяйничание царского колониализма: печальную заброшенность и отсталость. Хабаровск уже тогда проявил здоровый аппетит к превращению из бывшего военно-чиновничьего вахтенного поста в тайге в большой промышленный советский город, уже тогда показал стремление к соревнованию со своим соседом – Владивостоком – единственным (при царизме) слегка европеизированным городом между Уралом и Тихим океаном.

Хабаровск уже тогда оделся в леса и стал привлекать к себе, прямо впитывать, как губка воду, все новые отряды строителей, в том числе и немало биробиджанских переселенцев. Хабаровск действительно дал почувствовать партийную и советскую помощь с первых дней [строительства] Биробиджана. О Хабаровске

знали и говорили и на рисовых плантациях, и на «Бомбе», и в Тихонькой, и в Лазаревской. Уже среди первых еврейских переселенцев некоторые направились не только в Хабаровск, но также в Благовещенск, Владивосток, даже на Сахалин и еще дальше.

Бурно растущий край, его колоссальное значение как социалистической крепости на Тихом океане уже тогда был и до сегодняшнего дня остается фактором привлечения и частично... отвлекающим фактором для Биробиджана. Новизна, свежесть и неосвоенность края, его оригинальная богатая природа, огромные природные богатства, которые ждут преданных рабочих рук, неограниченные возможности для социалистического строительства и созидания как раз помогли привлечь в Биробиджан и закрепить там немало переселенцев, особенно мужественную и дерзкую молодежь. Недаром всем в глаза бросается большое число молодых людей в тех местах. Растущее оживление и возрастание темпов социалистического строительства в крае как в 1928 году, так и позднее (а также теперь) имело непосредственное воздействие на Биробиджан, который поднимался и рос вместе со всем краем.

Все переселение в Биробиджан, организация колхозов, совхозов, строительство дорог, промышленных предприятий, проведение мелиоративных работ, налаживание связи было тогда (и конечно же, сейчас) органической и важной составной частью задачи освоения и колонизации всего края, советского Дальнего Востока, создания там собственной продовольственной базы, покрытия его дорогами, проводами, построения стальной социалистической крепости на советском Дальнем Востоке!

В начале переселения в Биробиджан и во все позднейшие годы все это привлекало туда многих молодых, дерзких, творческих людей. Но в то же время это было одной из причин оттока: Дальний Восток – велик, богат, не заселен, изголодался по людям, которые для него – при всех [других] проблемах – самая большая проблема. Подводя итоги первого года работы, бюро крайкома партии сочло нужным среди причин недостаточных результатов первого года биробиджанского переселения подчерк-

нуть также и тот факт, что недостаток квалифицированных рабочих в дальневосточных городах притягивает сюда определенные группы переселенцев из Биробиджана.¹ В «Биробиджане» Альбертона как Хабаровск, так и край в целом – тот мощный фактор, который ежедневно воздействовал на Биробиджан – исчез, как будто его и не было.

Г). Амурские казаки.

Несколько замечаний. Верно, что подавляющее большинство старожилов-казаков в Биробиджане приняло еврейских переселенцев просто и естественно. Причины в том, что на Дальнем Востоке вообще было очень мало евреев, а в Биробиджане их вообще не было (не считая нескольких случаев), что в Биробиджане никакого «еврейского вопроса» никогда не было (в городах Дальнего Востока все же были преследования евреев на почве правожительства и т. д.).² Здесь, в Биробиджане, не было противоречия между еврейским торговцем и крестьянином-неевреем: лавочники и купцы были русскими, китайцами, редко когда евреями. Не существовало столетиями насаждаемого антисемитизма. Далее, здесь не было недостатка в земле, борьбы из поколения в поколение за клочок земли как в западных областях. Здесь тысячи и тысячи гектаров лежали неиспользованными, пустыми и печальными. Здесь шла борьба с природой за освоение земли. Сюда на Дальний Восток всегда переселялись. Край строился и развивался только благодаря разным формам переселения. Ведь в Би-

¹ Постановление от 29 апреля 1929 года, 3 пункт: «Нехватка в городах Дальневосточного края квалифицированной рабочей силы создает тенденцию среди переселенцев – выходцев из городов и местечек – к тому, чтобы принимать участие в промышленной работе в городах». То же – в постановлении Президиума крайисполкома от 7 мая 1929 года.

² По данным Всесоюзной переписи населения от 17 декабря 1926 года, в Дальневосточном крае (включая Читинский и Сретенский округа, которые позднее перешли в состав Восточно-Сибирского края с их сравнительно значительным еврейским населением) на общее население 1 млн. 881 тыс. приходилось лишь 7733 еврея, т. е. 0,41%. См. Центр. Стат. Упр. СССР. Отдел переписи. Всеобщая перепись населения 17.XII.1926 г. Краткие сводки. Вып. IV. Народность и родной язык населения СССР. Изд. ЦСУ СССР. Москва, 1928 г. – С. 134–135.

робиджане к 1928 году, кроме прибывших в разные времена добровольно и не совсем добровольно забайкальских казаков (к 1928 году – 17 тысяч), еще 15 тысяч было других переселенцев: русских, украинцев, корейцев. Здесь новоприбывшие люди – это в первую очередь – помощники, товарищи в борьбе с суровой природой. В любом случае сознательная часть старожилов понимала это. Но это еще не дает оснований изображать амурских казаков почти идеалистически, как это делает Альбертон.

Альбертону вовсе не нужно было копаться в архивной пыли и изучать казацкую историю, чтобы не описывать их такими приятными, лиричными, милыми, добродушными, чуть ли не идеальными людьми независимо от социального и экономического положения.

Не говоря уже о том, что само слово «казаки» говорит о военном сословии, специально организованном для колониально-империалистических целей и должно было привести таким образом самое меньшее к осторожности в случае казаков (особенно в 1928 году еще перед массовой коллективизацией).¹

Ведь Альбертон, пока он находился на Амуре и в районе вообще, безусловно имел возможность видеть, наблюдать и слышать о казаках менее мифические и менее сентиментальные добродушные истории, чем его описания лазаревских казаков в главах «Мы едем смотреть земельные участки» и «Избушка в тайге».

Он, вероятно, заметил в Екатерино-Никольском самые красивые дома в станице, которые тогда еще принадлежали бывшему

¹ Вот как характеризовал амурских казаков автор ряда работ об Октябрьской революции и Гражданской войне на Дальнем Востоке тов. Цыпкин: «Процесс классовой дифференциации затронул также дальневосточное казачество, однако его корни были здесь не так глубоки, как среди крестьян.

Царское правительство казаков поставило в особо привилегированные условия, казаки имели большие наделы земли («надел» мог составлять 30 десятин на одну «душу» мужского пола и еще 10 десятин земельного резерва станицы и значительная часть их, особенно амурские и уссурийские казаки, были кулаками и зажиточными. Их землю обычно обрабатывали батраки или же они сдавали ее в аренду корейцам, китайцам и новым переселенцам (новоселам), в основном на кабальных и полукабальных условиях. Кроме того, обычно кулацкая часть казаков получала дожоды и от контрабанды». С. Цыпкин. Дальневосточные большевики на пути к Октябрю. Дальпартиздат, Хабаровск, 1934. – С. 30.

есаулу или уряднику Друженину, крепкому полноватому казаку с не слишком добродушным лицом и далеко не мягким взглядом. Альбертон мог заметить, что среди казаков есть и кулаки, и середняки, и бедняки. Он мог, конечно, слышать о контрреволюционном казацком съезде летом 1918 года в Михайло-Семеновске; о корабле «Барон Корер» – с рабочими, красногвардейцами, ответственными работниками – большевиками и др., которые были эвакуированы из Хабаровска и которых именно екатерино-никольские казаки осенью 1918 года задержали и передали палачам атамана Калмыкова прямо в руки¹. Он мог слышать о Гражданской войне в районе, где на одной стороне были японские интервенты, белогвардейские атаманы, казацкие кулаки, а на другой – бедные казаки, крестьяне-переселенцы, рабочие железной дороги под началом товарищей Постышева, Шевчука и других. Ему, конечно, рассказывали, что в некоторых деревнях есть родственники на китайском (теперь японско-маньчжурском) берегу Амура – сбежавшие белогвардейцы. Он мог слышать о казацкой контрабанде, о казацкой торговле, о специфических «охотничьих историях» и другом, совершенно не приключенческом казацком «эпосе»...

Если бы Альбертон задумался об этом, он, возможно, еще тогда увидел бы корни позднейших событий и явлений в биробиджанской полосе над Амуром: определенных эпизодов, связанных с амурскими казаками при проведении колективизации и т. д. Некоторые герои Альбертона, их родственники и знакомые должны были бы просто «очень галантно» перенести их [в этой ситуации] подальше от живописных биробиджанских сопок...

Разве тогда, когда Альбертон был в Биробиджане, там царила такая уже тишина и благодать, что все казаки должны были ему представляться не иначе как славные ребята, может слегка склонные к выпивке, которые слишком долго отмечают православные праздники, танцуют, спят на полу с подушкой под животом и объясняются евреям в любви...

¹ В огне революции. Сборник статей и воспоминаний о революционных событиях на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1927. – С. 70, 94–96.

Нет, даже тогда не было такой идиллии. Даже тогда Альбертон мог и в Бирофельде и особенно на границе в Екатерино-Никольском убедиться в том, что это было не так.

Интересно, что в те же недели, и возможно, дни, когда Альбертон был в казацкой станице Лазаревской, там находился второй товарищ и он нам оставил описание, правда, менее поэтическое и идиллическое, но вследствие этого более близкое к действительности¹: «В селе (Лазаревской – М. К.) есть 50 дворов, в которых насчитывается до 500 коров, 400 лошадей. Крестьянин-середняк имеет здесь 5–6 дойных коров, 4–6 лошадей. У богатых есть до 25 лошадей, много коров, овец, ульев.

Казаки чувствуют себя ущемленными советской властью. Когда-то (они еще помнят это «когда-то!») они не платили налогов. Более того, когда сына посыпали на военную службу, ему давали коня и униформу. Так как граница для него была открыта и сам он был бывшим «таможенником», то он знал, как использовать положение. Землю у него обрабатывали китайцы, сеяли для него, хозяина, опиум. Китаец был рабом, с которым казак имел право делать все, что ему было угодно, а сегодня казак сам должен обрабатывать свою землю.

Но к этому новому положению и он приспосабливается. В Лазаревской уже второй год казаки сажают рис с помощью корейцев. И корейцы за свой труд получают 25% урожая. Этого казак не может простить, так как он вспоминает, что корейцы и китайцы сражались в Красной Армии, а теперь «нечистые корейцы и китайцы» стали равноправными гражданами Страны Советов.

Альбертон как раз этого не заметил... Следует отметить, что теперь – после того, как биробиджанские амурские казаки более чем на 80 процентов объединились в коллективные хозяйства, после того, как было ликвидировано кулачество, после нескольких лет воспитательной работы со стороны большевиков – в колхозах они уже совсем далеки от казаков времен Альбертона, в 1928 году. Но тогда было по-другому.

¹ В. Йонас. «На бирских полях (заметки переселенца)». Александровка, 3 июня, «Эмес», 17 июля 1928 года.

Д). Партийное и советское руководство.

Мы уже выше указывали, что в описаниях Альбертона не видно партийно-пролетарского воздействия. Хотя количество партийцев среди переселенцев не было большим, но их воздействие, так же, как и комсомольцев, чувствовалось очень сильно.

У Альбертона не видно, что уполномоченный КОМЗЕТа в Иркутске – партиец и что его сила заключалась не только в энергии, но в первую очередь в том, что он был большевиком, представителем КОМЗЕТа при ЦИК, что он апеллировал как партиец к партийцам Иркутской железнодорожной организации и городской организации, апеллировал от имени ленинско-сталинской национальной политики. По Альбертону Баскин – только «наш человек в управлении железнодорожного транспорта», «который там себя чувствовал как в собственном кармане» (48), что-то вроде способного агента, не более. Именно это было неправильным, политически вредным и непонятным.

Уже по дороге сыграли важную роль коменданты эшелонов, партийцы, Гохман и Явербойм, которые вместе с остальными партийцами, комсомольцами и сознательными переселенцами организовывали и руководили, поддерживали дисциплину и проводили определенную просветительную работу.

У Альбертона это не видно. Наоборот, единственный партиец, которого он показывает еще по дороге [в Биробиджан], Рейфоэл Муляр, является отрицательным типом. То, что это было не так, как рисует Альбертон, показывает следующая заметка, написанная в одном из вагонов первого большого белорусского эшелона переселенцев в первые дни после отъезда. В заметке также переданы интересные черты о составе и быте переселенцев в вагоне:

«В субботу 21 (апреля – М. К.) народ отправился на вокзал (московские переселенцы объединились, чтобы ехать вместе в белорусском эшелоне – М. К.).

...Народ – хороший, ядреный. Из Белоруссии едет местечковая беднота. Есть молодые ребята, здоровые. Особенно хорошо

организованы ребята из сельхозшкол, группа московских переселенцев и группа из Гомельского педтехникума.

Вот уже собирается фракция. Она состоит из девяти партийцев. Товарищи старшие, опытные, обсуждают организационные вопросы. Готовятся к широкой культработе. В эшелоне – 162 переселенца, среди них 38 комсомольцев, немало квалифицированных рабочих и ремесленников, женщин всего 15. Маловато...

Десять часов (утра – *M. K.*), люди устраиваются и знакомятся, начинают интересоваться «духовной пищей». Берусь за чтение. А читать есть что! У белорусских [переселенцев] есть неплохая библиотека, полученная в подарок от различных общественных организаций. У московских есть примерно 150 книг на идиш и русском – подарок от Московского ОЗЕТа. И даже читатель здесь квалифицированный, просит новую литературу, классиков. Читают с интересом. Вот товарищ начинает читать вслух, вокруг него собираются ребята. Шолом-Алейхем всех увлекает и заставляет смеяться.

...Шахматы и шашки переходят из рук в руки. Играют в домино, чувствуют себя свободно, уютно.

23 (апреля) созвали культивполномоченных всех коллективов. 30 товарищей пришло на заседание. Товарищи Гохман и Бялый говорят о задачах и методах культработы в пути. Люди активны, говорят коротко, по делу. Видно, что комсомольцы – общественно подготовленные ребята. Выделяют комиссии, в том числе и общую для всего эшелона. Библиотечная комиссия составляет каталог всех книг. Библиотека будет передвижной и станет обслуживать все вагоны. Комиссия организует чтение вслух и дискуссии о прочитанном. Беседы на политические темы и о Биробиджане. Комиссия по досугу занимается хоровым пением, организует турниры (шахматные и шашечные), организует группы для изучения игры в шахматы и шашки. Товарищей выделяют для ликвидации неграмотности среди малограмотных переселенцев. Создается и санитарная комиссия. В конце концов избиралась редакция для выпуска стенгазеты под названием «В пути» к празднику 1-го мая.

Бурлила энергия, комсомольская воля...

...И поезд отправляется, идет в направлении к Биробиджану, большой работе и труду. На место мы прибудем организованно, со свежими силами. А пока что едем в Свердловск».¹

Даже если первое описание кое в чем было ошибочным: если среди «москвичей» пропала организованность уже по дороге; если среди белорусских переселенцев скоро проявились, как видно из последующих корреспонденций Йонаса, и уголовные элементы, и пьяницы и хулиганы, и другие ущербные люди; если при частых пересадках и перетасовках в «теплушках» отмеченная образовательная и просветительная программа сильно выдохлась – все же в основе описание оказалось правильным. Вы видите здесь ясно организующую и направляющую руку партии, комсомола и пролетариата. Альбертон встречался с теми же переселенцами. Если не с первым белорусским эшелоном (где комендантом был тов. Гохман), то уже со вторым – Явербоймом. Он, конечно, также читал «Эмес» в то время, но, к сожалению, он выпустил этот момент.

Далее, уже в Биробиджане Альбертон почти не показывает никаких партийцев, кроме Митника (в жизни – Митновицкий) у «прилукских» товарищей, Мережина и Рацкеса, с которыми он столкнулся, но не показывает работы партийной или комсомольской ячейки, а ведь такие были и, как везде в Стране Советов, на своих плечах вынесли самое тяжелое бремя. Из книги Альбертона не видно, что тов. Бейнфест, агроном Финкельштейн и другие герои книги, партийцы, что в Тихонькой, Бирофельде, на Амуре работают группы преданных партийцев и комсомольцев, а не просто хороших ребят и девушек. Интересно, что Виктор Финк, не говоря уже о Бергельсоне, нам все же показал роль комсомольцев и партийцев.

Само собой разумеется, в плане формирования нормальных отношений между переселенцами и местным населением партийно-комсомольскому руководству было что сказать. Мы уже ранее цитировали письмо тов. Баскина о работе с местными ор-

¹ В. Йонас. В Биробиджан (путевые заметки переселенца). //Эмес, 28 апреля 1928 года.

ганизациями и с населением в Екатерино-Никольском районе. О роли комсомола в установлении нормальных отношений с населением в Тихонькой и о роли еврейского переселенца в укреплении всей комсомольской и партийной жизни в районе рассказывают корреспонденции в «Эмес» за 21 мая и 17 июля 1928 года и другие.

Кроме уже приведенных писем партийцев и комсомольцев – Баскина, Марголина и Бакмана, стоит привести следующие интересные письма о комсомольцах среди переселенцев в Екатерино-Никольском районе и о положении там вообще, написанные уже упомянутым тов. Спиваковым.¹ Письмо интересно еще и тем, что оно написано 16 сентября 1928 года, т. е. почти в тот же день, когда уехавшие екатерино-никольские переселенцы на собрании в Хабаровске (15 сентября) говорили совсем по-другому. И это, конечно, не случайно: письмо написал комсомолец, секретарь переселенческой комсомольской ячейки, товарищ, который и сегодня работает в Биробиджане:

«Екатерино-Никольск, 16 сентября 1928 года.

Уважаемый товарищ Словин!

...Сейчас я отвечаю тебе на вопросы, которые ты мне поставил. Комсомольцев в ячейке 23 человека, из них две девушки. Есть два молодежных коллектива, одна коммуна «Комсомолец» из Винницкого округа. Вся молодежь и комсомольцы занимаются хозяйственными работами в коллективах.

А теперь отвечу на главный вопрос: о гнусе. Главное время для гнуса – июль и до середины августа. Гнус бывает трех видов. Оводы, которые появляются в последние две недели августа, кусают только лошадей. Мошка здесь вечерами и ночью. Мы обычно надеваем маски и ходим так. Конечно, с непривычки это нехорошо. Было плохо только первые две недели. Но потом мы, как и местные, привыкли. Из-за гнуса никто не сбежал, а домой едут те, кто не хотят работать, кто приехал в Би-

¹ Письмо из Екатерино-Никольска. III. Письмо переселенца Спивакова (из Шполы) уполномоченному по нац. меньшинствам окружкома (в Черкассах – М. К.), //Эмес, 3 ноября 1928 года.

робиджан загребать золото. Правильно, здесь есть золото, но до него нужно докопаться.

Климат очень хороший, но в этом году было бедствие – наводнение, и лето – дождливое. Казаки-старожилы говорят, что не помнят такого года. Только в 1856 году был такой год. Усложнило положение то, что опоздали со строительством домов и с разметкой земельных доль. Теперь переходят к тому, чтобы строить дома. Работают три партии землемеров. Они передают земельные доли. Мы строим пристань на Амуре. Каждый день приходит хозяйственный инвентарь. Прибыл экскаватор для того, чтобы копать канавы для орошения рисовых плантаций. Он стоит 50000 рублей, весит 2000 пудов. Еще прибыли плуги, 5 тракторов и автомашин, 10 сенокосилок и т. д. Хлеб у нас есть и на второй год. Подготовили теплую одежду на зиму. У нас есть свой кооператив... Есть крупное общество, касса взаимопомощи. Мы обслуживаем нашим кооперативом местных крестьян – они все довольны. Они говорят, что если еврейские товарищи будут, то и у них все будет».

Здесь мы живем с корейцами, китайцами. Они славные люди, живем по-товарищески, по-братски. Местные крестьяне довольны нами, они нас учат и очень гостеприимны.

...Комъячейка здесь переносит все невзгоды. Здесь нет партийной ячейки. Трудно ячейке и мне. 23 парня из 23 местечек, но мы постепенно сближаемся.

...Мы отпраздновали молодежную неделю, пошли на прогулку, мы организовали ячейку «ОСО». При «ОСО» был организован отряд красных еврейских биробиджанских казаков. Как и в Украине, проводятся занятия – военные кружки. По вечерам мы всегда собираемся вместе¹. Например, 15 сентября, в первый день еврейского Нового года, собралось 30 переселенцев, старых, молодых, подготовили совместный ужин с чаем и провели антирелигиозную беседу.

У нас в ячейке есть стенная газета. Мы выписываем 15 ком-

¹ Используется характерный для хасидов термин «фарбренген» (совместная трапеза). Прим. переводчика.

сомольских газет «Набат молодежи», издание Дальневосточного обкома комсомола.

С комсомольским приветом
Спиваков»

Приведенный документ показывает, как мы думаем, достаточно ясно, что Альбертон упустил довольно важный и влиятельный фактор.

Ведь среди переселенцев была значительная партийно-комсомольская прослойка, которая заняла важное место в жизни переселенцев района вообще – о чем пишет тов. Мережин.

В 1928 году, до приезда еврейских переселенцев, в Михайло-Семеновском районе было всего две партийчейки. Одна партийчейка на Амуре (в Михайло-Семеновске, не было райкома, а лишь партинструктор в районе. – *M. K.*), а вторая – за 130 верст, на станции Тихонькая. Есть станции, деревни, где нет ни одной ячейки, ни партийной, ни комсомольской, и есть только один член партии – председатель сельсовета, а иногда и председатель Совета – беспартийный».¹

С приездом переселенцев уже только в Бирофельдском секторе было примерно 70 комсомольцев-переселенцев, в Екатерино-Никольске – 20.

Особо ответственную роль сыграли партийцы и комсомольцы во время стихийного бедствия в июле-сентябре 1928 года:

«Наши партийцы и комсомольцы, работники КОМЗЕТА и ОЗЕТА предприняли поистине героические усилия, чтобы держать в этих условиях фронт, поддерживать настроение переселенцев и ликвидировать неизбежную в таких условиях панику. Когда вы читаете протоколы комсомольской и партийной ячеек того времени, то вы ясно видите, чем они тогда занимались: на земельных долях – паника. Послать людей, поставлять продукты питания и т. д. – это неплохая страница в практической деятельности партии и комсомола.

В осуществлении «удержания фронта» немалую позитивную

¹ А. Мережин. Вегн Биробиджан (О Биробиджане). Культур-Лига, Киев, 1929, с. 27.

роль сыграло то, что среди биробиджанских переселенцев был определенный слой партийцев и комсомольцев, больший, чем в других районах. Да, это большая сила: сознательность и чувство ответственности (партийной), за советскую власть и за рабочие массы. Вот пара цифр: на 7 января 1929 года в Екатерино-Никольском из беспартийных осталось 48%, а из партийцев и комсомольцев среди переселенцев – 82%.¹

Ясно, что еврейское переселение в Биробиджан не смогло бы пережить первые тяжелые испытания, если бы не большая поддержка со стороны руководящих партийных и советских органов края.

29 мая 1928 года Президиум крайисполкома в своем постановлении о Биробиджане, между прочим, записал:

«а) на основе постановления ЦИК СССР от 28 марта, которое полностью отвечает общим интересам, как можно скорее заселить Биробиджан и вовлечь его нетронутые земли в социалистическое строительство, предложить всем советским и общественным организациям и учреждениям как в краевом Центре, так и на местах содействовать КОМЗЕТу в его работе всеми средствами».

25 июня также Бюро крайпарткома приняло постановление о всесторонней помощи еврейскому переселению.

В наших советских условиях – это совершенно естественно. Тем не менее многим работникам-практикам, а также журналистам бросилось в глаза очень дружественное и далеко идущее на встречу отношение подавляющего большинства краевых, окружных и районных организаций и учреждений.

Мы уже ранее упоминали о том, что председатель крайисполкома тов. Чуцкаев специально посещал ходоков-евреев на рисовых плантациях. Мы могли бы привести много примеров очень большого содействия еврейским переселенцам даже со стороны органов, в деятельность которых это не входило в качестве прямых обязанностей. Мы здесь приводим только маленькую вы-

¹ М. Мережин. Вос из азойнс Биробиджан (Что такое Биробиджан). Издание Центрального правления ОЗЕТА. Москва, 1930, с. 55–56, 76–77.

держку из первой корреспонденции о работе в Биробиджане еще до постановления ЦИК от 28 марта. Автор корреспонденции – бывший ответственный секретарь белорусского КОМЗЕТА, участник биробиджанской экспедиции Центрального КОМЗЕТА в 1927 году и первый уполномоченный КОМЗЕТА в Биробиджанском районе товарищ Михл Бейнфест, который и теперь работает в Биробиджане:

«Нас встретили очень дружественно. Наших переселенцев ждут с нетерпением. Надеются в них увидеть организованную производительную силу. Когда мы познакомили местные органы с методами нашей работы, они были очень довольны. «Многие учреждения – «Дал. Лес», «Сельсоюз» начинают с нами вести переговоры о работе: вывозе леса, получении древесного угля и дегтя, производстве клепки и многом другом. Они готовы предоставить авансом денежные средства и поддержать нас тем, чем только можно. Но мы просим их подождать, пока не приедут переселенцы, пока мы не организуемся и не обустроимся на месте».¹

Большую роль в том, что «еврейское переселение» ждали с нетерпением, сыграло то, что люди, рабочие, переселенцы и тогда, и позднее были для края основной проблемой и от еврейского переселения ожидали значительной реальной пользы для оживления жизни в крае. Теперь можно сказать, что, по сути, Биробиджан не обманул ожиданий.

Биробиджанские организации во многих хозяйственных операциях оказали далеко идущее содействие часто даже в качестве исключения из существующих норм, правил и т. д. Особенно большую, активную и неотложную помочь руководящие краевые органы оказали во время стихийных бедствий в Биробиджане: наводнений, эпизоотии и других.

Стоит отметить, что 29 января 1928 года на совещании в Хабаровске о Биробиджане некоторые участники (старые спецы по

¹ М. Бейнфест. Письма из Биробиджана. Первое письмо. Хабаровск, 20 апреля 1928 года, //Эмес, 4 мая 1928 года. Тов. Бейнфест приехал в Хабаровск вместе с Виртшафтнером 17 марта. Это были первые аппаратные работники Биробиджана.

колонизации и переселению, еще дореволюционные) в силу различных причин высказались против того, чтобы передать «Биджано-бирский район» КОМЗЕТу и предложили выделить для еврейского переселения только некоторые земельные угодья как в Биробиджанском районе, так и в некоторых других районах...¹

Но советам этих спецов и «глубокомысленных советников», а также некоторых других, подобных им, не последовали властные структуры...

О местной власти

В главе «Микита в Биробиджане» Альбертон показывает нам председателя сельсовета в казацком селе. Из описания Альбертона видно, что это – «шлимазл» (неудачник), дурачок и выпивоха. «Осип, председатель сельсовета в Лазаревской, сапожник, «антирелигиозный гражданин» и единственный «партийный на селе», заседает в сельсовете как дурачок, на селе над ним смеются. Все говорят, что мать Осипа – казак, а сам он – «баба» (140–143).

Конечно, тогда в Биробиджане (как и в других местах) было немало случаев засорения в низших советских органах. Председатель у Альбертона, однако, не является характерной фигурой для Биробиджана даже того времени.

В 1928 году там уже советская власть проникла достаточно глубоко (несмотря на то, что она там закрепилась только примерно спустя 5 лет после Октябрьской революции и через два года после Перекопа; японские интервенты покинули Владивосток 25 октября 1922 года, а Северный Сахалин – 15 мая 1925 года). Авторитет центра там был чрезвычайно высоким еще с романтических партизанских времен. Основы советской политики, в том числе советской нацполитики, были знакомы даже для низшего слоя аппаратных работников. Конечно, в советских органах кое-где были остатки белогвардейцев, кулаков. Но не они стояли у руля и не они задавали тон в отношениях с еврейскими переселенцами.

---

¹ Из архивных материалов.

Отношение советских органов в двух районах – Михайло-Семеновском и Екатерино-Никольском, с которыми пришлось в первую очередь иметь дело еврейским переселенцам, было более чем хорошим, часто блестящим, в высшей степени товарищеским. То же относится и к местной пограничной службе, которую упоминает тов. Баскин в своем письме, которое цитировалось выше. Место здесь не позволяет иллюстрировать это множеством интересных и поучительных фактов настоящего большевистского отношения, интернациональной солидарности и активной помощи. Мы приведем здесь только пару штрихов.

Я вспоминаю, как на праздничном открытии первого еврейского сельсовета на Бирском опытном поле, под открытым небом, 8 июля 1928 года поздравления были также от председателя того же Лазаревского сельсовета тов. Кузнецова. Я хорошо помню, что он выглядел отнюдь не как дурачок и пьяница. Он говорил об интернациональной солидарности и добрососедской помощи еврейским переселенцам.

Вот передо мной лежат мои короткие заметки с того праздничного собрания во дворе опытного поля (в сообщения прессы и в протоколы собрания вошло далеко не все):

«Ангорский, председатель Бабстовского сельсовета¹ :

Мы, местные старожили, поможем вам чем можем. Нам нужно вместе бороться со всеми трудностями.

Тов. Кузнецов, председатель Лазаревского сельсовета:

Есть такие старожилы, которых не радует ваш приезд. Они говорят вам: вы здесь жить не будете. Мошка вас заест.

Я вам говорю: здесь можно жить. А о тех, кто вам такое говорит, скажите нам. А мы уже сделаем то, что нужно.

Среди вас есть много партийных, среди нас – мало. Давайте работать вместе. Ждет тысяча десятин для заселения».

Интересный штрих. Выборами в этот новый совет руководил управляющий административным и организационным отделом Михайло-Семеновского райисполкома тов. Гаврон. Он также

¹ Бабстово – село в 15 км от Лазаревской (а не в 40 км, как у Альбертона на с. 150) на юг в направлении к Амуру.

должен был открыть первое праздничное заседание. Он был, как и многие тогдашние сельские работники, отсталым и, как оказалось, к тому же малообразованным. Он говорил так, что поставлял пищу фельетонистам и служил им мишенью для шуток. И вот этот тов. Гаврон постановил, что он должен открыть заседание по меньшей мере одной фразой на идиш. У меня большие сомнения, что это кто-то ему подсказал. Скорее, это была его собственная инициатива. Я его, наоборот, отговаривал, что ему не обязательно открывать собрание именно на идиш. Но он стоял на своем и я с ним должен был хорошие пол-часа зубрить фразу: «Я объявляю собрание открытым». Повторить это ему было не-легко и вышло у него это не слишком гладко. Характерен, однако, именно этот маленький факт, во всяком случае не менее выразительный, чем те, которые приводит Альбертон.

Все то, о чём мы здесь говорили, показывает, какой важный материал Альбертон оставил в стороне, не использовал, и что это значительно отразилось на правоте, а также ценности всего описанного. На многие факты, которые мы упомянули, Альбертон, бесспорно, сам натолкнулся, о других – слышал в разговорах, читал. Другой материал о событиях, при которых он сам не присутствовал, он действительно взял из прессы и т. д. (о наводнениях – из писем Мейлеха и т. д.). Поэтому совершенно непонятно, каким образом такая тема – партийное и советское руководство – совсем выпала из поля зрения его наметанных и наблюдательных глаз!

Уже тогда, летом 1928 года, среди переселенцев было выявлено немало классово чуждых элементов, спекулянтов, расхитителей государственной собственности, националистов, но у Альбертона это описано очень слабо. Мне думается, что здесь сыграла свою роль прежде всего недостаточная политическая марксистская подготовка и это повлияло на линию наименьшего сопротивления, в какой-то степени – на линию экзотики и добродушия, стремления представить многое вещей с точки зрения отсталого местечкового переселенца.

16. Решающий этап. Лето 1928.

Почему «Биробиджан» Альбертона имеет такую большую ценность? Кроме качеств самой книги, в большей степени дело в объекте, в зафиксированном моменте, отрезке времени, который там изображен. Причина та же, по которой Бергельсон гораздо позже, уже в 1932–1933 годах, взялся именно за 1928 год. Причина в том, что тот период, лето 1928 года, месяцы апрель–сентябрь были в самом деле решающими. Они ответили на вопрос: «Поедут ли евреи?», они разрешили трудный вопрос: «Задержутся ли там евреи?»

Лето 1928 года по сути решило исход встречи между еврейскими трудящимися с дальневосточной тайгой в условиях советской власти, пролетарской диктатуры – кто кого. И тайга отступила. В этом состоит притягательность этого периода, который еще будет интересовать не одного поэта, прозаика, киносценариста, художника и других людей искусства! Когда после последнего наводнения, после всех колоссальных трудностей, после всех несчастий к 15 октября осталась примерно половина переселенцев, хотя количественно и немного, всего 300 человек, в сущности это была большая победа. Крепость, которая называется Биробиджан, по сути тогда была взята. Довольно большие трудности и кризисы не раз бывали и позднее, но в сущности вопрос был решен тогда, осенью 1928 года.

Уже осенью начали приезжать вызванные семьи и родственники. К зиме был реализован новый наряд: примерно 300 человек для лесозаготовок, знаменитый Оборский наряд¹ и примерно 100 кустарей.

Оборская операция как для переселенцев, так и для работников аппарата не была большой удачей. Пришлось помучиться,

¹ Обор – лесной район недалеко от Хабаровска (вне Биробиджана), где еврейские переселенцы должны были работать в лесу в тресте «Дальлес», чтобы заработать немного денег и к весне перейти на землю в Биробиджан.

потерпеть материальный урон, что вызвало отток переселенцев. От оставшихся – оборских и кустарей все же вылупился (в большой степени) позднейший поселок и колхоз Валдгейм (от Днепропетровского коллектива «Найланд»), практически первые ремесленные артели и т. д. Начался второй высший этап пути – от «биджано-бирского», «бирско-биджанского» и Биробиджанского района к Еврейской автономной области.

Сейчас, спустя 7 лет, мы склонны думать, что бригада Белорусского коммунистического университета была права, когда одной из первых взяла на себя ответственность совершиить довольно смелый шаг и сказать: «Выбор района для еврейской колонизации был удачным. Форсирование переселения совершенно оправдано, особенно с точки зрения переселения в будущем году».¹

То, что, вообще говоря, было бы более целесообразно и лучше сначала хорошо подготовиться и позднее начать переселение (как и другое) – даже не подлежит обсуждению. Но в конкретных тогдашних условиях, при тех материальных возможностях, ресурсах, кадрах аппаратных работников и т. д. – большое сомнение, что в 1928 году – и к тому же в тех природных условиях можно было бы провести большую подготовительную работу без переселенцев, чем с ними. Скорее – наоборот. Прибывшие переселенцы были достаточно реальным фактором, который весьма сильно действовал как на местных, так и на краевых и центральных работников аппарата и это побуждало к форсированным действиям. Без них – подготовка для будущих еврейских переселенцев прошла бы, как можно догадаться, еще слабее.

Тогда уже в 1929 году им или не нужно было вообще начинать, или начать то же самое, снова без подготовки.

В этом состоит сила и притягательность того лета 1928 года. Тот исключительный и дерзкий испытательный период создал рискованные ситуации и породил смелых, дерзких борцов и

¹ Что мы видели в Биробиджане» – //Эмес, 10 августа 1928 года.

строителей; создал типы и образы, которые к себе недаром привлекли внимание и еще будут долго привлекать людей искусства и историков.

Вывод

«Биробиджан» Альбертона остается, как мы уже говорили, при всех недостатках, книгой редкой и даже единственной в своем роде. «Биробиджанцы» Бергельсона при всех своих достоинствах – не конкурент. Свежее дыхание, горячие следы периода первопроходцев в Биробиджане чувствуется в книге Альбертона и ни в какой другой.

Книга Альбертона «Биробиджан», кроме других своих достоинств, проникнута сильным, искренним и убедительным оптимизмом. Во всей книге, в конечном счете, несмотря на все трудные и трагические моменты, которые там затрагиваются, чувствуется большая бодрость и вера в силу советской власти и в будущее социалистического Биробиджана. Тем, кто будет писать о Биробиджане – теперь ЕАО – нужно пожелать во избежание недостатков книги Альбертона и других книг реализовать два основных положения: во-первых, более глубокого знания марксизма и, во-вторых, более внимательного изучения конкретной обстановки на месте, в ближайшем окружении и вообще в регионе.

Сентябрь 1935 года.